

Юлия Лешко

АЖДЕЛ
В ТЕМНОТЕ

Юлия Лешко
Ангел в темноте

«Регистр»

2011

Лешко Ю.

Ангел в темноте / Ю. Лешко — «Регистр», 2011

В книгу «Ангел в темноте» вошли новые работы Юлии Лешко «Ангел в темноте», «Доброе утро, Елена», «Ветка» и уже полюбившиеся читателю повести «Рифмуется с любовью», «Дитя, сестра моя...». В основе этих произведений — реальные события и люди. Каждая судьба таит в себе уникальный сюжет. И каждая — драматична...

© Лешко Ю., 2011

© Регистр, 2011

Содержание

Вместо предисловия	5
Ангел в темноте	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юлия Лешко

Ангел в темноте

Проза

Вместо предисловия

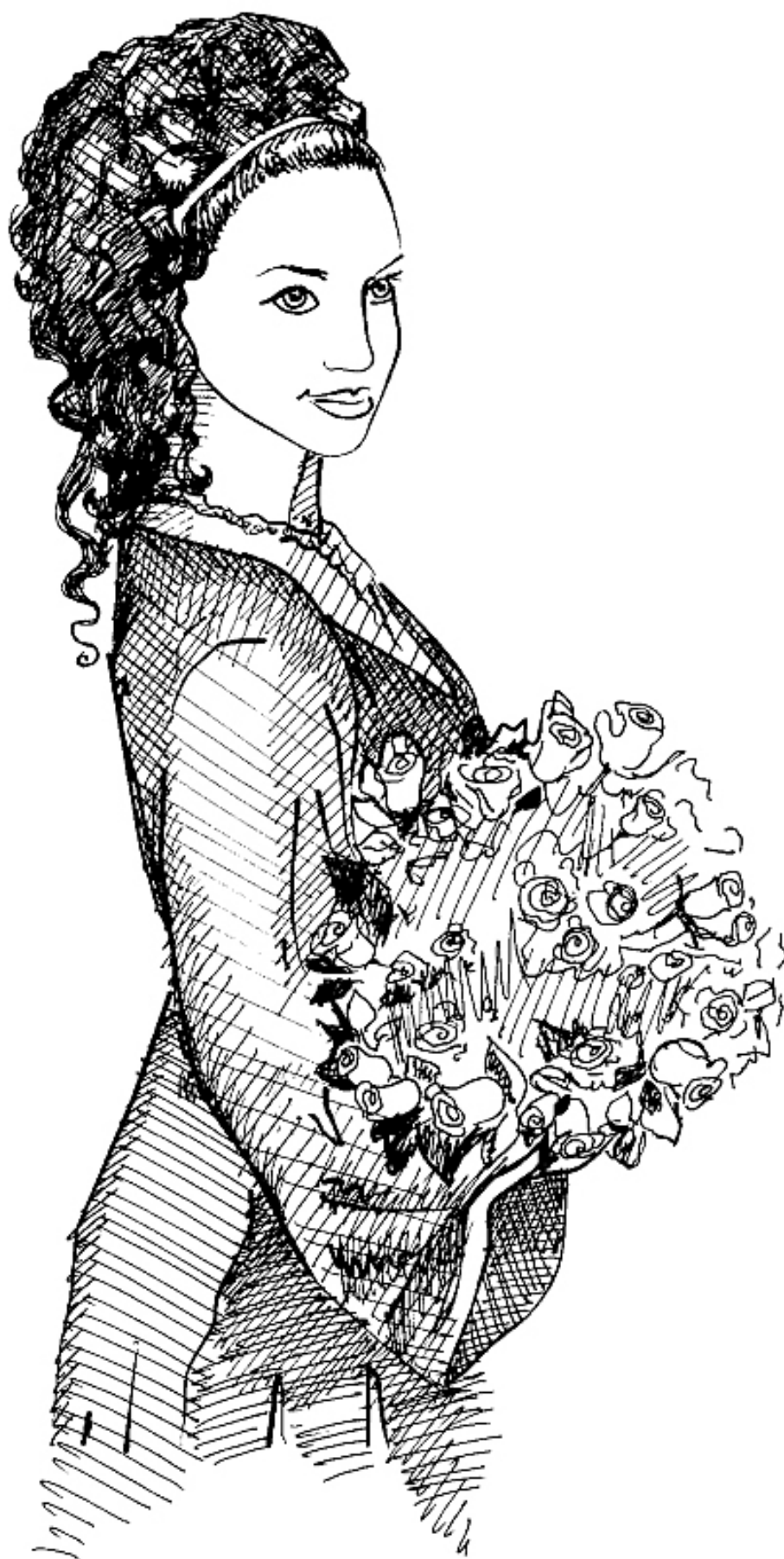
На мой «круглый» день рождения Юля подарила мне повесть с посвящением – вот эту повесть, с этим замечательным посвящением.

Я не знаю, как появляются на свет литературные произведения, «из какого сора растут цветы». Но, читая эту книжку, находила в ней обрывки наших разговоров, воспоминания детства и юности, которыми делилась с Юлей, свои сиюминутные впечатления и более глубокие переживания. Казалось бы, ничего особенного: две женщины разговаривают, смеются, иногда плачут вместе, жалуется друг другу, радуются, обсуждают новости... Что именно ее вдохновило? Не знаю! Она и сама, наверное, не знает!

«Ангел в темноте» – это, конечно, не биографический очерк, а просто художественное произведение, которое родилось из нашего долгого общения. И Рита Дубровская – это не я, и коллеги Риты – это не существующие в реальности люди (даже если кто-то и найдет сходство героев с известными телеперсонами или созвучие их имен с конкретными именами), и события, описанные в этой повести, – больше чем на половину вымышленные. Да это и неважно. А важно – для меня, по крайней мере, – что автор (и моя подруга) уловила самое главное: жажду творчества и любовь к людям – то, что движет и мной, и большинством моих коллег.

Да, я не Рита Дубровская, мои личные и семейные обстоятельства далеки от описанных в «Ангеле...». Непохожи они и на ту историю, что рассказана в маленькой повести «Доброе утро, Елена!», хотя эта вещь задумывалась когда-то как киносценарий, а роль предназначалась для меня. Но я не отрекусь от причастности к двум этим повестям и двум героиням, потому что все лучшее во мне Юля увидела, поняла и воплотила на бумаге. Спасибо!

*Светлана Боровская,
телеведущая и актриса*

АНГЕЛ В ТЕМНОТЕ

*Светлане Боровской —
за доброе утро в ее сердце.*

Глава 1

...Вне конкуренции

В нашей большой гримерке утром (а это настоящее раннее утро, «вторые петухи» – еще нет семи часов) всегда несколько нервно. Нет, разумеется, никто не психует, не швыряется друг в друга расческами или косметикой, и даже не повышает голоса. Во-первых, на это еще элементарно нет сил: сказывается хронический, тотальный недосып телевизионщиков вообще, ведущих утренних программ в частности, а во-вторых... Работаем вместе не первый день и уже научились не просто за дверями гримерки, а непосредственно за вертушкой телецентра оставлять свое временное или постоянное недовольство жизнью. И все-таки... Да, нервно.

Приходим на работу раньше положенного – все, не сговариваясь, чтобы исподволь подготовиться к утреннему эфиру. У меня он прямой, дублей не будет, поэтому нужно сделать все возможное, чтобы люди верили: мое утро по-настоящему доброе, и я от всей души хочу, чтобы оно стало таким у всех, кто на меня смотрит.

В зеркале, которое занимает противоположную стену, вижу Лену, молодую коллегу из АТН. Она ведет восьмичасовой новостной блок, отбивающий первый час моей работы в эфире. Лена задумчиво смотрит в окно, где с высоты одиннадцатого этажа видно только ясное небо и редкие облака, ждет, когда ею займется гример-парикмахер. Сегодня это Валя, опытный и надежный мастер: готовит грим, достает какие-то баночки и кисточки. Впрочем, хорошенькой и телегеничной Леночке еще не нужен ни особо опытный, ни надежный специалист по красоте. Чего не скажу, положу руку на сердце, о себе. Я старше Леночки на... Господи, примерно вдвое, что ли? Так, сегодня я об этом думать не буду. И завтра, впрочем, тоже. Вот не буду об этом думать, и все! С таких подсчетов начинается реальная старость. Вместо того чтобы считать разницу в возрасте и делать прикидки, гоюсь я кому-либо в матери или нет, надо включать природное чувство юмора и профессиональный оптимизм.

Решено!

... Ну, да, да, я – чисто теоретически – гоюсь Леночке в матери! Если бы моя первая любовь в восьмом классе не была бы безответной, если бы эта самая моя первая любовь, шалопай Андрюшка Бахрушин был отъявленный сердцеед или вообще негодяй, а я была бы просто безответственной девицей, а еще лучше, если бы родилась не в Советском Союзе, а на юге Индии, где замуж выходят в четырнадцать. Да, в общем тогда я могла бы стать матерью в пятнадцать лет и сейчас бы уже гордилась такой умницей и красавицей дочерью, как Леночка.

Я все-таки «подумала об этом» сегодня и сейчас, вопреки железному правилу незабвенной Скарлетт О'Хара. Налицо кризис среднего возраста.

Тушу смешок, украдкой смотрю на свою постоянную гримершу Наташу и вижу по ее спокойной, как у Будды, но не очень мотивированной улыбке, что она тоже еще не вошла в колею. «Жаворонков» среди нас нет, большинство присутствующих – «совы», причем «совы» трудовые. Я, к примеру, вчера домой вернулась около часу ночи: вела юбилейный корпоратив на одной крутой строительной фирме. Гонорары, в принципе, на дороге не валяются, а для представителей моей профессии, не умеющих производить ничего, кроме хорошего впечатления, художественный конференс на юбилее – отличный способ подработать. В общем, наулыбалась и наумилялась на полгода вперед, представляя гостей, раздавая и принимая комплименты, дирижируя тостами, объявляя концертные номера приглашенных звезд и стихийные самодеятельные выступления сотрудников. Да... А Наталья учится заочно: когда ей, одинокой матери, контрольные писать, кроме как ночью?

Мы не просто связаны по работе, мы дружим с Наташей много лет. Я вообще все знаю о ее жизни, также, как она о моей. И моя «неувядающая» телевизионная красота – это, кстати, во многом ее личная заслуга. Примерно процентов на пятьдесят. Тут замаскировать, здесь

подчеркнуть, обвести, нарастить... Глядишь – и глаза светлее, и улыбка нежнее, и цвет лица наводит на мысль о здоровом образе жизни. Еще тридцать процентов трудового вклада в мою внешность записываю на счет операторов: ребята стараются от души, ибо нас, женщин «за тридцать», надо снимать аккуратно, вдумчиво, порой изобретательно. Одним словом, с чувством... или сочувствием... Ой, что-то я и вправду сегодня никак не соберу себя по фрагментам!

Справедливости ради надо добавить, что еще двадцать процентов я ставлю в заслугу исключительно маме и папе. Моей красивой маме всегда говорили: «Катя, как Риточка на тебя похожа... Но ты все равно лучше». Мама действительно и внешне лучше меня, и вообще. А папа в молодости был как две капли воды похож на французского актера Жана Маре. Это сейчас уже не очень похож, да и Жана Маре теперь знают только киноведы. Воспоминания о родителях заставляют меня снова украдкой улыбнуться. Наташа замечает мою «необязательную» улыбку и тоже немного расслабляется, чего уж там...

Новый день вступает в права, скоро мы начнем шевелиться уже не по инерции, а вполне осмысленно и даже с некоторой грацией, нащупаем общий ритм и станем не самой тусклой частью этого постоянно меняющегося картинку яркого калейдоскопа – телевидения.

Наташа распустила мне волосы по плечам и серьезно, почти грозно всматривается в мое отражение в зеркале. Потом начинает экспериментировать с прической. Со стороны может показаться, что она от нечего делать шалит: то сделает два девчачьих хвостика-белочки, то перекинет волосы вперед, как в страшненьком японском фильме «Звонок»... Говорит:

– Может, Кармен сегодня закрутим, а? Все наверх, гладко, колечки на виски? Ты как, в настроении?

Я смеюсь в ответ:

– Шутишь? Я сегодня не Кармен, я сегодня старуха Изергиль. Что-то меня невротическая бессонница замучила вконец. Устаю от перепадов: сначала перевозбуждение – потом бессонница. Засыпаю под утро. Кофе не помогает. Ну и глянь, результат на лице: «И я была девушкой юной, лет сто или двести назад...»

Наташа отмахивается:

– Ну вот, только самокритики нам с утра не хватало. Найдется, кому про тебя слово доброе сказать, я тебя уверяю... Сто раз тебе говорила и буду говорить: «Ты прекрасна, спору нет! Ты на свете всех милее...» А сейчас я еще сделаю, что «и румяней, и белее!»

Она убирает мои волосы под плотную повязку: с прической еще не определилась. И теперь решает, что делать с лицом. Ну, а выражение этого лица остается за мной...

Обожаю, когда она своей умелой рукой придает мне черты, «знакомые миллионам телезрителей». Мне иногда просто интересно: какой же я стану на этот раз? Я, конечно, никогда не говорила Наташе, что теледива в зеркале – это плод ее художественного воображения, талантливо воплощенный при помощи кистей и красок. И не скажу. Но я так думаю. Гляну порой на себя и прямо слышу голос экскурсовода «за кадром»: «Маргарита Дубровская. Портрет работы Натальи Петровой. Сангина, тушь». Или акварель – как когда...

Нет, ни румяней я быть не хочу, ни белее: от природы бледная. Вслух говорю:

– Нет, давай, может, тон смуглее положим, что ли? Бледная я какая-то...

Наташа кивает и выжимает на спонжик немного тональника цвета загара...

И тут дверь слегка приоткрывается, а окно у нас, по случаю неумолимо поднимающейся на улице жары, уже открыто. Поэтому в комнате тут же образуется небольшой сквознячок, и жалюзи на окнах начинают легонько хлопать и при этом звонко дребезжать. Передо мной на столике лежат странички сценария, и они вот-вот улетят в образовавшийся воздушный коридор. Улетят расписанные редакторами мои приветствия и паузы, улыбки, шутки и импровизации. Но я успеваю придавить их расческой.

Валя, уже наколдовавшая что-то на Леночкиной головке, не прерывая работы, кричит в сторону двери:

– Заходите или закройте дверь! Дует!

Дверь на мгновение закрывается, но теперь явственно слышится красивый, богато модулированный голос, произносящий какие-то приветствия, смеющийся и воркующий. Неповторимый голос. Всем известный голос. Низкий, властный, мягкий, берущий в плен. Это Алиса.

Алиса входит в гримерку, небрежно бросает шикарную сумку «Прада» на банкетку, а в воздухе тут же возникает и отменяет все остальные запахи волшебный аромат «Императрицы». Название ее любимого парфюма известно не всем, но роскошный, праздничный, какой-то торжествующий «букет» – это Алисина визитка. В Алису можно влюбиться только за этот теплый шлейф, летящий за нею вслед.

Да, наша «первая леди» телеэкрана элегантна, энергична, стремительна. Рядом с ней хочется стать лучше... самой себя, хотя бы. И поэтому так же энергично и стремительно навстречу ей встает из кресла доселе тихо читавшая Рубину гримерша Ирина Станиславовна.

Алиса привычно играет королеву, а то, как ведут себя окружающие, красавицу не беспокоит. Корона, как говорится, с нее никогда не упадет. Ни-ког-да.

Алиса подходит к своему привычному месту, садится в крутящееся кресло, поворачивается к присутствующим, говорит, улыбается... Все одновременно:

– Девочки, всем привет! Здравствуй, милая, – это уже непосредственно мне: – Ты уже слышала? Тебя выдвинули на «Золотую Телевышку»!

На появление, приветствие и выдачу «в эфир» сенсационной информации у нее ушло ровно тридцать секунд. Привычка: на телике время ценится не на вес золота, а куда дороже. Чувство времени у нас в крови! Еще полторы секунды Алиса смотрит в огромное зеркало – этого достаточно, чтобы понять, что большие голубые глаза сверкают, светлые волосы выются, очаровательный носик вздернут, мимических морщин не видно.

И все это время я молчу, тарашусь в зеркало прямо перед собой, не в силах отвести глаз от отражения ворвавшегося тайфуна с нежным женским именем. Если честно, я просто застигнута врасплох. И взволнована, и обрадована, конечно. Наконец, нахожу в себе силы и поворачиваюсь к Алисе:

– Правда? – не довольно глупо, а просто глупо спрашиваю я. Уж, наверное, правда, если Алиса говорит об этом при всех.

Алиса тоже поворачивается ко мне со своей дивной улыбкой и кивает. Мое замешательство очевидно. Черт, ну почему эту благую весть мне принесла именно она? Наши отношения друг к другу, к сожалению, весьма далеки от внешних проявлений симпатии и дружелюбия. Для этого есть миллион причин, и, если честно, ни одна из них не может быть объективно признана веской. Вот ведь парадокс! Но Алиса меня не любит. Я ее тоже.

Как будто подслушав наш с Наташей недавний разговор, Алиса кокетливо, ни к кому не обращаясь, произносит:

– Я прекрасна, спору нет!

Ирина Станиславовна, занявшая место за плечом Алисы, несколько раз нажимает педаль под креслом – поднимает ее повыше. Задумчиво трогает светлые пряди Алисиных волос острым концом металлической расчески... Пока она обдумывает прическу, суперзвезда поворачивает ко мне свое улыбающееся лицо:

– А что это ты замерла, милая? Так рада? Или, правда, первый раз слышишь? Ну не может быть, неужели я первая успела?

Алиса серебристо смеется, похоже, она получает от ситуации максимум удовольствия. Да, да, кое-кто уж мог бы мне сообщить это известие раньше. Однако вот... Алиса – первая всегда, первая во всем!

Ладно, не прыгать же мне до потолка от радости – Господи, наконец-то заметили, отметили, выдвинули! Лучше было бы сделать вид, что краем уха уже слышала об этом, намекали, мол, друзья и знакомые. Поэтому я, с загадочной улыбкой, спокойно и вежливо произношу:

– Спасибо за приятную новость, Алиса. Я действительно очень рада. И не знала ничего.

Алиса милостиво (ну как у нее это получается?) кивает: другого она и не ждала. Но вот удержаться от колкости никак не может – иначе, видимо, утро не состоится:

– Да не за что. Ты действительно заслужила... Я что-то забыла: сколько ты уже на телике трубишь – лет семнадцать?

Ага, а вот теперь: «Помяни, Господи, Давида царя и всю кротость его...»

– Пятнадцать.

Да, работаю я тут пятнадцать лет, а всего мне... Да, и не пятнадцать, и не восемнадцать, как хотелось бы. Что же это сегодня за утро такое тематическое?!

Алиса даже ручкой всплеснула, чем явно помешала Ирине Станиславовне в ее парикмахерских трудах:

– Ой, ну это вообще чудесно! Юбилей!.. Вот в честь юбилея и получишь. Бог даст...

Между двумя последними фразами – коротенькая пауза. Хорошо заметная только очень тренированному уху, моему то есть.

Мне удастся непринужденно улыбнуться еще раз. Довольно лучезарно.

Пока беседуют «звезды», гримерши молчат. Но Наташа уже пару раз больно дернула меня за волосы. Это предупреждение, чтобы я не сорвалась на какую-нибудь дерзость. Не бойся, Наташка, не сорвусь. Плавали, знаем...

...Мы с Наташей дружим много лет, я крестная ее Павлика, и уж для нее-то не секрет, что искренности в Алисиных поздравлениях никакой. Ну не любит меня красавица Алиса, что тут поделаешь?

Сегодня я молодец: не поддаюсь на провокацию и не дала Алисе повод цапнуть меня побольнее – с годами все же приходит какой-то опыт! А раньше ей не раз удавалось довести меня до слез двумя-тремя «любезностями». Я, конечно, проливали их наедине с собой или в жилетку Наташке, но менее горькими от этого они не становились...

Почему наши отношения с примой сложились так странно? Хочется льстить себя надеждой, что блестящая, обаятельная, зрителями всех возрастов и, особенно, непосредственным начальством любимая Алиса видит во мне серьезную соперницу.

Объективно говоря, так оно и есть. Мы абсолютно не похожи внешне, но общего между нами так много, что это не может не бросаться в глаза. Только я моложе Алисы – вот и все.

Скажете: ну, неужели так вульгарно?

О, не судите строго и опрометчиво. Чтобы понять, почему так властно время именно над нами, «входящими в каждый дом» с экрана телевизора, нужно самому хоть раз попасть в объектив телекамеры. И обнаружить, что этот зоркий объектив максимально приближает и делает очевидным все, что вы считали незаметным, не бросающимся в глаза. Возраст, например. Лишний грим «по телевизору» выглядит разоблачительно и жалко, и ни талантом, ни личным обаянием не компенсировать нанесенный временем ущерб.

Да, возрастной ценз имеет место быть. И победительная молодость на телеэкране куда предпочтительнее очаровательной зрелости. Я, разумеется, о женщинах говорю, в первую очередь. К мужчинам иное отношение, да и критерии другие.

...Ах, нет, еще, еще вдохнуть этот разреженный, наэлектризованный воздух, оказаться под искусственным слепящим светом софитов, очутиться в этой ирреальной атмосфере. Улыбнуться всему миру сразу, понять каким-то... надцатым чувством, что тебе улыбнулись в ответ все или почти все, к кому ты обратила свой взгляд, устремленный в пространство. Почувствовать кожей, что это такое – эфир. Нет, недаром он называется этим пьянящим, наркотическим словом. Мы не можем без этого жить. Нам будет больно без него...

Я могу думать о чем угодно или не думать вовсе – там, в Зазеркалье, все идет своим чередом. И обе мы волшебным образом преображаемся: под умелыми руками из художественного хаоса возникают прически, накладывается (или проявляется сам собой?) макияж, начинают сиять глаза, глубже становится дыхание... И, наконец, мы обе исключительные красавицы: я – сероглазая брюнетка, смугло-румяная «фам фаталь», Алиса – ослепительная блондинка с голубыми глазами, «девушка моей мечты» всех времен и народов.

Мне приносят чашечку кофе, я даже ухитряюсь закурить сигарету.

И к Алисе подходит мальчик-ассистент, целует руку, что-то интимно наговаривает на ухо, подает какие-то бумаги, которые она жестом отсылает прочь.

Скоро эфир.

Кто-то включает телевизор, это – не Наш канал. На экране реклама: стайка молодых людей, юношей и девушек, привлекает внимание прохожих групповым прыжком в работающий фонтан. Ребята ныряют в водичку рыбкай, презрев возможную опасность сломать себе шеи, и через мгновение выпрыгивают наружу, подобно дрессированным дельфинам, преображенные, прозрачные как стекло, текучие и искрящиеся. Звучит музыкальная фраза, такая же прозрачная и освежающая. Очень красиво. И мне сразу хочется пить. Все поглядывают на экран, и некоторое время наблюдают за «ныряльщиками», а потом принимают прежнее положение.

А мой пульс уже отсчитывает минуты перед эфиром...

Да, банальная разница в возрасте и угроза «преемственности поколений» – это, пожалуй, самая приятная версия Алисиной антипатии. Но не исключено, что я просто вызываю у нее отрицательные эмоции самим фактом своего существования. Демонстрировать их открыто она не может себе позволить: это – на ее-то высокой позиции – просто непрофессионально. Да я вообще готова поспорить с кем угодно на миллион в любой валюте, что она никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не хамит. Мне было бы даже интересно посмотреть, как прекрасная Алиса орет на кого-то или, к примеру, непечатно ругается... Нереально. И неважно, что у нее творится внутри: гнев, досада, разочарование, обида! Внешних проявлений не будет. Как настоящую леди, ее ничего не может ни напугать, ни удивить, ни вывести из себя. Такого класса мне никогда не достичь. Впрочем, у меня и темперамент другой, и дипломатичности явно не хватает. Воспитание, конечно, попроще.

Ладно, что есть, то есть. Другой я уже не стану. Алиса, к сожалению, тоже...

Пора в студию. Я благодарю Наташу (словами – за прическу, рукой – за поддержку) и направляюсь к двери, когда Алиса, игнорируя заботливые руки Ирины Станиславовны, наносит последний штрих, поворачивает ко мне свою красивую головку:

– Знаешь, кто еще заявлен в твоей номинации? Глеб Кораблев и Татьяна Корниенко.

Я замираю. Наступает минутная пауза, только говорит работающий телевизор. Кто-то из гримерш тихонько свистит. Я бы тоже присвистнула, да не умею. Потому что слова тут не особенно уместны: ах, и Глеб Кораблев тоже...

Все ясно. Она ведь могла бы сразу мне это сказать, но удовольствие нужно растянуть до максимума! Против лома нет приема, а Кораблев – это даже не лом, а градобойная машина. В смысле популярности и профессионализма. Таня Корниенко, ведущая ток-шоу для подростков, – славная девчонка, но никак не соперница, нет... А Глеб абсолютно объективно лишает нас обоих шансов на победу, по определению, так сказать.

Нужно что-то произнести. «Фраза на уход», как говорят в театре. И вот она найдена:

– Да ладно. Главное не победа!

Алиса одобряет кивком мои натужные «веселье и находчивость»:

– Конечно! – и улыбается. Дело в том, что у нее в активе две высшие профессиональные награды.

Мне хочется усилить произведенное обманчивое впечатление:

– Да, кстати, забыла спросить: а тебя в этом году номинировали?

– Ну что ты, не три же года подряд, – откровенно снисходительно произносит грандесса. – Я веду церемонию награждения.

В переводе это обозначает: «Я вне конкуренции». И это правда, черт возьми...

Глава 2

«Не надо бороться за любовь...»

Все, забыть про уязвленное самолюбие, Алису, проблемы, про все на свете: я – в кадре. Сажу в удобном широком кресле, передо мной низкий столик, украшенный цветами. За спиной – журчащая стекающей по стеклу водой прелестная инсталляция – выдумка нашего дизайнера. Эта «текучая» стена очень успокаивает, с ней как будто легче дышится. Чуть в стороне – монитор, на котором сейчас транслируются фрагменты из фильмов с участием пожилого актера: сегодня он мой гость в студии. В микрофоне за ухом шелестит голос режиссера, дающий последние установки, я что-то отвечаю. Это так привычно, что уже не инструктаж, а ритуал.

Время от времени взглядываю на мониторчик, освежаю в памяти старые кинофильмы: это хорошие фильмы, есть среди них даже шедевры отечественной киноклассики. Я действительно рада: предчувствую, что старичок-актер, народный артист еще Советского Союза, – приятный интеллигентный собеседник. Ходит медленно, говорит негромко, наверное, немного приболел. А может, просто старенький. Сколько ему? Лет восемьдесят? По-моему, я его молодым в кино никогда и не видела. Ладно, придется настроиться на ностальгию...

Я привычно строю прогнозы перед эфиром: как, в какой тональности пройдет беседа. И так радуюсь, когда ошибаюсь! Иногда самые скромные, замкнутые на вид люди поражают остроумием, а признанные краснобаи – искренностью, которой от них никто и не ждал. Любой человек для меня – сюрприз. Или мне везло до сих пор?

Сейчас пойдет «подводка», камера зафиксирована на мне. А в это время на второе кресло не без помощи сопровождающей его девушки усаживается пожилой актер. И когда он готов, я поворачиваюсь к нему и произношу:

– Давайте поприветствуем Николая Пантюхова, народного артиста Советского Союза, народного артиста, которого любят и знают в нашей стране, наверное, все. Взрослые помнят его замечательные роли в фильмах, ставших классикой отечественного кино, а дети смотрят мультфильмы, в которых самые добрые, самые сказочные персонажи говорят голосом Николая Петровича. Здравствуй, дорогой Николай Петрович...

Николай Петрович здоровается и смотрит на меня небольшими, кроткими, но весьма пронизательными глазками. Интересно, что он сейчас думает обо мне? Это, конечно, выяснится исподволь в ходе беседы, но первое впечатление, которое мы производим на незнакомого человека, как правило, оказывается верным. Но не будешь же спрашивать об этом...

Между прочим, когда эфир закончился, мне рассказали, что редактриса откомментировала мою беседу с Пантюховым примерно в таких выражениях: «Ну дает Маргарита! Спорю, что она о нем узнала только сегодня, а так подает, будто он ей в детстве сказки лично рассказывал!»

Если честно, то о своих визави стараюсь хоть почитать что-нибудь. То есть поинтересоваться их жизнью на самом деле. Люди ведь тонко чувствуют, интересны они тебе или нет, либо это «просто работа». И результат соответствующий... Но старичка-актера я не впервые вижу, помню, даже плакала над судьбой одного его героя, отца, покинутого дочерью. Маленькая еще была. Так что моя симпатия к нему не наигранная, а вполне сформировавшаяся за долгие годы нашего заочного знакомства.

Конечно, всех, кто ко мне на эфир приходит, я любить не могу, да это и не надо. Но умею – как-то само выходит! – в каждом человеке найти что-то, что вызовет уважение именно у меня, Маргариты Дубровской – без оглядки на самое высокое общественное мнение, его личный авторитет или мировую славу... Нахожу, и тогда все идет как по маслу: герои начинают чувствовать себя в студии как в гостях – охотно рассказывают о себе, делятся новостями, улы-

баются от души... Они ведь и правда в гостях: кроме меня, сидящей напротив, вокруг очень много людей, незаметно делающих свою работу. Но эти люди тоже смотрят, слушают, улыбаются, грустят.

Вот и я с улыбкой слушаю старичка. Краем глаза вижу, что камера меня сейчас не берет. Поэтому веду себя так, будто мы совершенно одни: киваю ему, могу прикоснуться к своему лицу, почесать нос. Николай Петрович освоился и уже рассказывает мне, как знакомой, о своей актерской жизни:

– Внешность у меня, как видите, не героическая. Да-да, и в молодости я не был красавцем. Неудачников каких-то играл часто, горемык... Пьяниц, опять же. Солдат, крестьян. Руководителей среднего звена... Бригадиров на стройке – человек пять, и почти всегда Петровичей, как я сам... А мечтал сыграть большую любовь. Потому что в жизни, в моей жизни такая любовь была. Она была, правда, не очень счастливая... Счастьем было то, что мне было дано все это пережить. И до сих пор кажется, что лучше меня любящего человека никто не сыграл бы...

Я внимательно слушаю старика, но это не мешает мне параллельно думать о своем.

Со мной так часто бывает: случится что-то, и я думаю, мучаюсь, пытаюсь найти выход, жду какого-то совета и обязательно получаю его, только не от подруг, мужа, матери...

Да, я человек, кажется, вполне здравомыслящий, не мистик, отнюдь! Надеюсь, не истеричка, хотя, бывает, склонна к рефлексии. И вот я, вся такая реалистка и прагматичка, время от времени получаю... Послание.

Это может быть обрывок случайного разговора в метро. Или строчка из книги. Однажды увидела рекламу по телевизору со слоганом: «Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать». Поняла: это мне... Или Послание является вот так, «своими ногами», как гость в студию. Приходит, и вместо заезженных от частого употребления киношных воспоминаний рассказывает о своей жизни, о своей прекрасной несчастной любви. Чтобы среди всех его слов я нашла одно, или два, или целую фразу, обращенную лично ко мне.

Спасибо старику за это доверие, за нечастую в наше время откровенность – это дорогого стоит, как всякая честность, как доброта. Я знаю: зрители сейчас не сводят глаз с экрана и у кого-то уже увлажнились глаза от мысли: «и я любил, и у меня так было...»

Да, его рассказ о том, как он понимает любовь, – это именно то, что так нужно было услышать МНЕ сейчас, сегодня. Или вчера, или год назад? Когда же начался этот нервный непокой, это изнуряющее смятение? Турбулентность какая-то непрерывная...

Старый актер говорит спокойно, почти не интонируя, не делая никаких лишних жестов, – сказывается академическая актерская выучка, еще Станиславский считал, что «жесты обедняют речь». Это наши телеведущие через одного взяли моду махать руками как мельница, норовят ткнуть «перстом указующим» едва ли не в глаз собеседнику. И отучить их от этого невозможно!

Николай Петрович умеет держать аудиторию – первый признак большого таланта. Его слушают все. Даже оператор – я вижу его глаза, значит, он не в объектив смотрит... Но мне его не просто слушать: надо внимать, потому что вот, вот он – пришедший, наконец, ответ на вопросы, которые мучают меня не первый день:

– Нет в тебе любви – и все впустую. «Медь звенящая, кимвал звучащий». Это Библия... Знаете, есть фраза: «Не так уж важно, веришь ли ты в Бога. Важно, верит ли Бог в тебя». Так и любовь. Не нужно за нее бороться. Если это настоящая любовь, наступит день и час, когда она начнет бороться за тебя... Кстати, зрительской любви это тоже касается.

Мне нужно задать ему все вопросы, подготовленные редактурой, а я не хочу перебивать этого человека. Вопросов девочки насочиняли много, но пусть никто на меня не обижается: большинство из них того порядка, что я называю про себя «где и когда вы родились?» Не диво: сами-то они родились намного позже, чем вошла звезда актера Пантюхова. Что им «Станци-

онный зритель», что им «Неоконченная пьеса...»? Дела давно минувших дней... В общем, будет очередное замечание от режиссера, не первое и не последнее на моем счету, но две трети этих «животрепещущих» вопросов я проигнорирую. Дожидаюсь, когда он закончит мысль, и только потом спрашиваю:

– Зрительская любовь и популярность – это одно и то же?

Старичок-актер улыбается довольно хитро:

– Популярность – это когда узнают. Известность – это когда фамилию помнят. А любовь – это когда телевизор не выключают. Как думаете, нашу передачу сейчас смотрят или телевизор выключили?

И мы оба, не стовариваясь, поворачиваемся в сторону камеры, как будто и впрямь решили проверить – не выключили? И я слышу в наушнике голос режиссера: «Отлично, Рита, даем блок рекламы...»

Сейчас вытащу из уха клипсу микрофона – «подслушку», можно будет встать, поулыбаться, немножко потянуться. Не вдруг, а вполне ожидаемо сверху, «по громкой связи», звучит голос режиссера:

– Маргарита, спасибо, все было здорово. Немножко отклонилась от темы, немножко отсебятины. Но это, пожалуй, претензии к редакции. Лучше нужно готовить вопросы гостю. Давайте, друзья, поблагодарим Риту за удачный эфир.

Все в студии улыбаются (кто искренне, кто не очень) и аплодируют. Это тоже милый обычай в нашем коллективе. Так аплодируют командиру воздушного лайнера после удачной посадки в аэропорту назначения. Мы полетали и приземлились! Ура! Я делаю реверанс и посылаю вверх воздушный поцелуй...

Мне правда хорошо. Я прекрасно провела это утро в компании с хорошими людьми, делая любимое дело. И, кажется, даже поумнела – самую малость. Если это возможно, конечно, в мои-то годы! Шучу, как всегда, шучу...

Почти бегу по длинному, ярко освещенному коридору, влетаю в лифт, нажимаю кнопку с цифрой 9. Выскакиваю, с кем-то здороваюсь и иду уже медленно, с достоинством. Моя цель – кабинет директора Главной дирекции музыкальных и развлекательных программ. Моя задача – выплеснуть накопившиеся отрицательные эмоции и, если повезет, подпитаться положительными. Поможет мне в этом директор, Сергей Александрович Сосновский, или нет, зависит от множества причин. Занят ли он, хорошее ли у него настроение, не разлюбил ли он меня, в конце концов, за прошедшее с последней нашей встречи время. За два?... За два дня.

Чтобы это выяснить, надо первым делом преодолеть первый барьер: его хорошенькую, как Золушка из старого кино, но остренькую на язычок, как мачеха из того же фильма, секретаршу Масыню.

Еще не открыв тяжелую начальственную дверь, я начинаю свой внутренний разговор с Сергеем. Но сбиваюсь на воспоминания.

Наверное, я так никогда и не вырасту. В смысле не стану окончательно взрослой. Во мне по сей день живы все детские воспоминания и обиды... Я никогда не произношу вслух, но про себя часто повторяю смешное детское слово «подговаривают». Вот Алиса «подговаривает». Девчонки в школе против меня часто «подговаривали» моих немногочисленных подружек. И подружки начинали меня избегать. Что «подговаривали»? Что я «воображаю», «выступаю», «задаюсь». Выделяться в наше время было неприлично, и в детском коллективе строго осуждалось.

Но это, конечно, было правдой: я и воображала, потому что была очень хорошенькой, и выступала – где и как могла: артистичная натура уже давала о себе знать!

Мама говорит, что я всегда была очень веселым, неистребимо жизнерадостным ребенком. Другие дети в садик шли с ревом, а я – с песней! В буквальном смысле. Я по дороге в сад громко пела все известные мне песни.

Выбор был небогатый: песенки из мультиков, а также избранные фрагменты из репертуара Аллы Пугачевой и Льва Лещенко. Старший брат, который меня отводил в садик, страшно стеснялся этих концертов и держался от меня на расстоянии. Иногда даже на другую сторону улицы переходил, стараясь не терять из виду. Он ведь был мальчишкой. Когда я выросла, он рассказывал мне, что из множества песен я запоминала от силы по одному куплету, да еще и безбожно перевернула текст. Да, слова я часто забывала (это и сейчас за мной водится), но придумывала свои или просто пела «ля-ля-ля». И меня это вовсе не смущало, я вопила свои «попурри» во весь голос. Иногда песню можно было узнать только по отдельным словам: слух в ту пору у меня был не идеальный. Но прохожие мне улыбались, некоторые даже мимоходом гладили по головке радостно голосящее дитя.

Я вхожу в стильную приемную, опираюсь руками на Масынин столик:

– Машенька, шеф примет? Спроси.

Маша-Масыня жестом показывает мне на кресло:

– Посиди, я его недавно с Питером соединяла, сейчас проверю.

Осторожно нажимает кнопку, и на мгновение приемную заполняет баритон Сосновского. Все ясно, шеф еще занят. Маша продолжает свою работу: что-то набирает, стуча по клавиатуре и требовательно глядя в экран монитора. Между прочим, ее личные мелкие недостатки в виде повышенной наблюдательности и умения безупречно формулировать колкости – всего лишь продолжение отменных профессиональных достоинств. Мне Сергей много раз говорил о Маше в таких высоких степенях, что впору было заревновать. Рассказывал, что она все договорные документы тщательно редактирует, часто и толково правит (у нее юридическое образование) до, после, иногда вместо него, а вот он ее не правит никогда. И в стратегических вопросах – закупка лицензионных программ, заключение долгосрочных договоров, расширение связей – ее холодноватый, хорошо организованный ум бывает очень полезен. Мне, если честно, было приятно слушать и видеть, как он гордится своей помощницей. Еще бы, он сам ее когда-то нашел, «разглядел» и уговорил с ним работать.

Не буду ей мешать. Сажусь в кресло и снова уношусь в детские воспоминания.

...Да, приходится признать: наверное, я всегда стремилась к успеху. В детском саду солировала на всех утренниках, а больше всего обожала читать стихи у елки, и чтобы потом дали подарок и все мне хлопали. В школе тоже лезла в любой «литмонтаж»: помните, стояли на сцене дети и читали тематические стихи в очередь. Голос у меня был громкий, звонкий, да и стеснительной я не была – я была «активной», поэтому меня всегда выбирали для выступлений в праздничных концертах. А потом стала их вести: громко и выразительно объявлять номера и имена исполнителей. И была при этом страшно довольна и горда собой. Что мне эти танцоры и музыканты: споют песенку, спляшут полечку и уйдут за кулисы. А я все выхожу и выхожу на сцену, и мне все хлопают и хлопают!

Маша включает принтер, берет и перечитывает вылезший из него листок бумаги, встает (став при этом ненамного выше) и, негромко стукнув дверью, заходит в кабинет.

Потом выходит и, придерживая открытую дверь, обращается ко мне зачем-то официально:

– Вас ждут.

– Спасибо, – слегка растерянно говорю я ей и захожу в большой кабинет с длинным, похожим на подиум столом посередине.

Сергей Александрович, пряча улыбку, говорит доброжелательно, но «по-чужому»:

– Здравствуйте, Маргарита!

Я уже закрыла дверь, но зачем-то продолжаю игру:

– Здравствуйте, Сергей Александрович. Явилась по вызову.

Но игра уже надоела ему:

– Иди сюда.

Подхожу, сажусь на подлокотник кресла, обнимаю его за плечи, целую в висок... Я влюблена в этот четкий профиль, в эту ироничную бровь, в эти сильные, «гетманские» глаза. Я влюблена... Он нажимает кнопку селектора и говорит негромко:

– Маша, я занят.

Голос Масяни звучит бесстрастно, как всегда:

– Я поняла.

Но эта лишенная выражения интонация мгновенно выводит меня из себя:

– Что она поняла? Что она может понять? Я сама еще ничего не поняла, а она уже что-то поняла!

Сергей смотрит несколько отстраненно:

– Она сказала только то, что сказала. А что она должна была ответить: «Йес, сэр?» «Не извольте беспокоиться?» «Слушаю и повинуюсь?»

Я машу рукой, слезаю с подлокотника и сажусь на стул, стоящий у стены. Да, я раздражена и насуплена. Нет, надо с собой что-то делать. Если меня может расстроить незначительная фраза, если я вижу намеки там, где их нет, – у меня серьезные проблемы.

Впрочем, я и так знаю, что у меня проблемы.

Сергей смотрит на меня спокойно: его, похоже, не трогают подобные вспышки. Догадываюсь, почему. Уверенные в себе мужчины так себя и ведут: невозмутимо, не акцентируя внимание на том, что им не интересно. Но делают выводы.

Он говорит так, будто моего «выбрыка» и не было:

– Я все равно вызвал бы тебя, потому что хотел видеть и потому что посмотрел твой эфир. Отличная работа! Я горжусь тобой, моя девочка!

Ну-у... Огрызнусь, пожалуй:

– Не называй меня «моя девочка», пожалуйста. Я скоро четвертый десяток разменяю.

Сергей смеется:

– А с математикой у тебя, похоже, не очень, да? Что это с тобой, Рита? Какая муха тебя укусила?

Точно, четвертый десяток – это после тридцати. Пройденный этап... Ладно, не хочу больше огрызаться, я ведь «жалеться» шла:

– Не муха, а лиса. Алиса.

Он встает, подходит к моему стулу, садится передо мной на корточки, берет мою руку. Я вижу, что он прячет улыбку, но все равно таю, таю... Сергей целует меня, сам садится рядом и, преодолев слабое сопротивление, пересаживает меня к себе на колени. Нет, с ним я все-таки девочка, совсем девочка...

Голосом доброго сказочника, покачивая меня на коленях, он говорит:

– Алиса не лиса. Она из другой сказки.

Так, надо срочно слезть с колен: злиться в таком положении очень неудобно и смешно. Я и слезаю, и встаю перед ним в позу кувшина – руки в боки:

– Боже мой, да у меня, оказывается, есть еще один повод для ревности.

Я имею в виду исключительно его жену, однако это не тот случай, когда дерзость сойдет мне с рук. Ответ не заставляет себя ждать:

– При желании ты можешь насчитать еще одиннадцать. Или двенадцать. Как друзей Оушена.

Закусывать удила не стоит, но и остановиться я не могу:

– Нет, правда, Сережа! И ты, Брут... без ума от несравненной Алисы. А почему, собственно? Вот ты даже не узнал, в чем дело, а слово в ее защиту сказал! Ты бы спросил сначала, почему я такая настеганная?!

Сергей по-прежнему спокоен, черт бы его побрал. И ироничен совсем некстати, на мой взгляд.

– И я не Брут, и ты не Юлий Цезарь. Давай я минералки попрошу у Маши. Ты ее выпьешь. Или умоешься. В чем дело? Что ты не поделила с Алисой?

Все, хватит: шеф начинает серьезно раздражаться, и мне пора прекратить капризы. Сейчас возьму себя в руки.

– Почему ты не сказал, что меня номинировали на «Телевышку»?

Пожав плечами, он отвечает, как ни в чем не бывало:

– Я сам только недавно узнал.

– Ну да, ты же у нас академик, – я-то знаю, что телеакадемики месяца за два начинают обсуждать кандидатуры номинантов, но он не хочет оправдываться.

– Если ты намекаешь на мой опыт, в смысле возраст, я проигнорирую твои слова. А если хочешь отдать должное моему высокому профессионализму, скромно и с достоинством поклонюсь. Да, я телеакадемик. Иди-ка, поцелуй меня за это.

Он невероятно импозантен и обаятелен. Он просто неотразим. Ах, если бы это было только мое эксклюзивное мнение. Нехотя подхожу ближе. А он целует меня нежно-нежно. Да, как маленькую. И я готова разреветься. И уже всхлипываю:

– И эта стерва еще поздравляет меня! Знает же, что мне никогда не перебить Кораблева.

Сергей снова хмурится:

– Прошу тебя... Во-первых, Алиса не стерва. Во-вторых, Кораблева не перебить никому. Особенно, когда он говорит. Особенно в прямом эфире. Это отдельная песня. И потом... Не факт! Я, например, проголосую за тебя.

Я все еще горячусь:

– Но объективно Глеб сильнее! И рейтингу его «Решки» выше!

Сергей смеется:

– А зато тебе письма приходят мешками от зрителей!

Теперь смеюсь я:

– Когда у нас говорят «мешками», это значит, что два в неделю!

Я обнимаю его, прижимаюсь ухом к груди и слышу, как стучит сердце и успокаивающе рокочет мягкий баритон:

– Другим не пишут совсем! Два в неделю... В месяце четыре недели... В году... Да наберется мешок, точно наберется!

Век бы так сидела и слушала, слушала... Неважно, что он просто меня утешает, готовит к поражению, неважно. Я все понимаю, но пусть он говорит. Только, справедливости ради, замечаю:

– Ну-да, большущий такой мешок. Как у инкассатора. Ладно, что я в самом деле. Это Алиса твоя виновата.

Сергей задумчиво произносит:

– Алиса в Зазеркалье...

Что-то странное проскальзывает в этой реплике. Горечь? Или вспомнил что-то, что их связывает? Я внимательно смотрю на него:

– Что-что? В Стране Чудес?

А он уже, как ни в чем не бывало, улыбается:

– Нет, чудеса как раз в стране Алисы. А она в Зазеркалье. Ну, хватит. Не люблю говорить за глаза. Не злись на нее. Лучше учись. У нее есть чему поучиться. Женственности. Мужеству.

Вот оно что – поучись!.. И я снова бешусь:

– Знаешь, я, пожалуй, пойду.

Ну и не напугала. Не скрываясь, глянув сначала на часы на стенке, потом на руке, он спокойно отвечает:

– Иди, моя хорошая. Пора уже и мне орлов своих собирать на задел. И не злись. В субботу поедем в Пущу, есть тема. Хочешь?

Я замираю. Хочу ли я?... В Пуцу... Утренний туман... Роса на траве... Птицы поют, тишина, он рядом... Плюс еще человек двадцать – съемочная группа. Все равно! Да, да, безумно хочу в Пуцу, в чащу, на край света, с ним! Но вслух говорю задумчиво:

– Наверное, хочу. А что я дома скажу?

Он смотрит на меня нежно и понимающе:

– А мы сюжетик снимем для твоего «Доброго утра». Там поместье белорусского Деда Мороза закладывают, очень, по-моему, симпатичный проект. Ну все, иди, Рита, сейчас люди придут.

Я украдкой вздыхаю. Не могу не понимать, что в организации подобных «сюжетиков» у него накоплен значительный опыт. Все понимаю, но... Это сильнее меня. Уже от двери бросаю небрежно, как могу:

– Между прочим, мне в письмах чаще всего в любви объясняются.

Ой, и на что я рассчитываю? «Попала»? Нет, «мимо»!

– Верю. Я тебя тоже люблю. Безответно.

И последнее слово остается за ним. Как всегда.

Глава 3

«Я знаю, что ты знаешь, что я знаю...»

Гримерка уже опустела. Изредка в нее еще входят и выходят, но мы с усталой после напряженной смены Наташей сидим в креслах спиной к дверям и курим, положив ноги на низкий подоконник широкого окна, пуская дым по направлению к безоблачному небу слушая шуршание шин и хлопанье автобусных дверей на остановке.

Разговор долгий, неспешный, паузы длинные. Тема – мой роман с Сосновским. Хотя что тут обсуждать? Как погоду. Сегодня ясно, завтра – дождь. По всей территории... Наташка не язва, подкалывать меня ей ни к чему. Просто констатирует факты:

– А ты что думала, никто не узнает?

Я отмахиваюсь:

– Да ничего я не думала. Господи, все я понимаю. У меня это впервые, у него – лебединая песня.

Наташка неожиданно запрокидывает голову и громко смеется:

– Ой, не кажи, подружка! Песня лебединая... Лебедь! Да он соловей-разбойник, а не лебедь!

Могла бы и не уточнять. Экскурсы в орнитологию тоже ни к чему: мне и самой понятно, что наши отношения временны. И раз уж я сама ляпнула про песню, то надо в данном случае говорить о куплете или припеве. Вслух говорю:

– Ну так и не осуждай. Да, влюбилась. Да, я не первая и, наверное, не последняя. И все равно – ничье не дело.

Наташка косится:

– А Миша не догадывается?

Я морщусь, как от головной боли. Не Наташке и отвечать бы не стала... – Слушай, по-моему, ему все равно. Работа, работа... Частые командировки, деловые встречи. А может, и не только деловые. Знаешь, как я его называю? «Действующий отец». А муж... Почти номинальный...

Наташка смотрит с иронией:

– А попроще? Для лиц с неоконченным высшим?

– Не притворяйся. Чего проще? Одно название – муж... По-моему, я для него уже давно как сестра.

Наташка машет рукой с сигаретой. Дымок рассеивается, как и моя уверенность в том, что говорю. Вот и Наташка подтверждает мои сомнения:

– Не верю.

Ладно, я и сама понимаю: это желание оправдать собственное отношение к Мише.

– Ну, пусть не совсем... А! Не будем об этом. Будем считать, что Сосновский – это как раз моя лебединая песня.

Наташка молчит. О чем-то думает, прикидывает – сказать или не надо? И говорит, так осторожно-осторожно:

– Он тебе в отцы годится.

Я хохочу: похожая сентенция мне сегодня в голову уже приходила, когда я подсчитывала мои шансы быть матерью Леночки из АТН. Утренние математические выкладки и озвучиваю:

– Если бы я была его внебрачным ребенком, зачатым в восьмом классе средней школы, тогда да, в отцы.

Молчим. А потом Наташка, затушив сигарету в пепельнице, произносит:

– Знаешь, а я бы не отказалась от такого отца. Правда...

Я киваю в ответ:

– Я тоже, если честно. Ну может ты и права по большому счету. Ой, ничего я не знаю... Меня, наверное, в детстве недолюбили...

Наташка смотрит хитро:

– И ты почему-то решила наверстать упущенное с главным Дон Жуаном нашего телевидения? Ну-ну...

Ладно, пора по домам. Что мы сейчас с Наташкой решим мою дальнейшую судьбу? Нет. Встаю, потягиваюсь:

– Ну и хватит нотации читать. И кстати, про отцов. Миша очень любит нашу Катю. И только поэтому наш брак надежен, как швейцарский банк. Все, пошли. Хочешь, до дома доведу?

Мы спускаемся с центральной лестницы, ведущей в Телецентр. Мы похожи на «покоривших вершину» альпинистов: усталые, но довольные. Как иллюстрация к мысли о разнообразных «вершинах» на автостоянке рядом с телецентром обнаруживается Алиса. Отвернувшись от нас, она говорит с кем-то по телефону.

Мы с Наташкой садимся в мой «меган», дверцы хлопают, и Алиса оборачивается на звук.

Приветливо улыбается (ну это у нее просто рефлекс), и царственным жестом открывает свою машину. Садится и одновременно успевает сделать нам «пока-пока».

А я не улыбаюсь в ответ: я уже устала ей улыбаться. Да еще и шиплю:

– У, бочка динамитная!

Наташка смеется:

– Ну ты даешь! Какая Алиса бочка? 40 кг с ботинками!

Машина едет по городу. Наташа что-то рассказывает, оживленно жестикулируя. Я смотрю на дорогу, время от времени кивая подруге, но думаю о своем.

«Бочка динамитная»... До сих пор удивляюсь, как я смогла придумать такое! Однажды во дворе мы с девочкой из нашего подъезда сделали «секреты»: закопали в земле красивые «золотинки» от шоколадок, бусинки, цветы и закрыли сверху стеклышком. Популярное в нашем детстве было занятие – делать «секреты». И очень важно было этот «секрет» сохранить: никому постороннему не «выказать». Найти чужой «секрет» было невероятной удачей, ведь туда попадали самые красивые фантики и стеклышки, а иногда даже целые брошки!

В общем, девчонка, с которой мы делали «секреты» во дворе, дождалась, когда я уйду домой, и забрала все мои сокровища! И так ровненько-ровненько разгладила песочек над разоренным тайничком! Темным вечером перед сном я стянула у папы спички, выбежала проверить свой «секрет» и обнаружила пропажу. Предательство!..

Гнев охватил все мое существо, я бросилась в подъезд, вихрем взлетела на пятый этаж. Я нажимала и нажимала кнопку знакомого звонка, пока сердитая подружкина мама в халате и «бигудях» не открыла дверь.

Предательница, разорительница «секретов» испуганно выглядывала из-за косяка двери. Я увидела ее – и свет померк от ярости. «Это ты!» – заорала я, забыв о приличиях.

«Что случилось, Рита? – перепугалась „предательская“ мама. – Не кричи так, поздно, все уже спят». Негодяйка в пижаме, однако, спряталась в своей комнате. Ее мать еще не успела договорить, как противная девчонка закричала оттуда: «Это не я! Это не я!»

«Ты! – еще раз страшным голосом крикнула я и, нисколько не стесняясь присутствия взрослого, добавила: Бочка динамитная!»

Зря она назавтра рассказала об этом инциденте во дворе. Эффект получился, прямо скажем, неожиданный: никто ей не посочувствовал и меня не осудил – законы детства суровы и справедливы. А прозвище оказалось не только смешным, но и подходящим. Девчонка в самом деле была и толстенькая, и очень вредная. Она так и осталась «бочкой динамитной» до восьмого класса. А потом пошла учиться. По-моему, в какое-то торговое ПТУ. Больше я ее не

встречала, переехав в другой город в семнадцать лет. Надеюсь, свою привычку брать чужое она оставила в детстве...

Я сворачиваю в арку: вот и Наташин двор. Наташа чмокает меня в щеку и выходит из машины, а я выезжаю обратно на дорогу.

...Сколько моих «секретов» разрушено с тех давних пор – и не сосчитать. Когда я лишюсь очередного своего сокровища и мне нечем себя утешить, я вспоминаю: «Бочка динамитная!» И тихо смеюсь... но чаще – плачу.

Глава 4

Ангел в темноте

Я дома. Вхожу в квартиру, открывая дверь своим ключом, и тихонько кричу: «Милый, я дома!» Это моя грустная игра. В одном американском фильме увидела: женщина входит в дом и так же кричит. А потом добавляет: «Ах, я забыла, я же не замужем...»

Я замужем, но мой муж дома и вечером-то нечастый гость, а уж днем... Иногда он шутит: «Кто на что учился». Или еще так: «Ученье – свет, а неученье – чуть свет на работу». Ну-да, он экономист, с двумя высшими образованиями, а я так, «погулять вышла», всего лишь актриса.

Я действительно в дипломе значусь как «актриса театра и кино». Но последнюю свою роль сыграла в дипломном спектакле. Это была Катарина в «Укрощении строптивой». А потом... Совершенно случайно попала на телевидение. И с тех пор, вот уже пятнадцать лет, пытаюсь доказать себе и другим, что случайностью это все же не было. Сложно? А кому легко! Все кому-то что-то доказывают – всю жизнь, особенно натуры артистичные, творческие. Я все же причисляю себя именно к таким.

Захожу в ванную. Студийный грим выглядит в домашнем интерьере уж очень театрально, скорее смыть... Облачаюсь в длинный халат – вот оно, счастье... Сейчас – плюх! – на диван перед телевизором и... не включу его! Книжечку возьму, почитаю. Что бы такое взять, под настроение...

Иду мимо комнаты дочери к стеллажу, который тянется вдоль всего коридора: где тут мой любимый «лошадник» Дик Фрэнсис? Его детективы действуют на меня как чашечка чаю с молоком, потому что он настоящий англичанин во всем: и в творчестве, и в жизни. Блестящий джентльмен, жокей Ее Величества, даже его остроумие сдержанно – это «улыбающийся», а не «смеющийся» английский юмор...

На настенном бра прикреплена забавная игрушка – ангел в длинной белой ночной рубашке с крылышками. Это наш родной, очень важный ангел. У него есть своя биография, своя история.

...Когда моя Катька была совсем маленькой, она боялась темноты. Ничего особенного, многие дети боятся, но моя своенравная с младых ногтей девица еще и болезненно стеснялась этого. Поцелую ее на сон грядущий, выключу свет, а она начинает хныкать, тоненько, как зайчик. И ночничок-лилия дела не менял: хнычет моя кроха и не признается почему. Впрочем, и говорила-то она тогда едва-едва.

Только годика в четыре наконец призналась, бедняжка, со слезами: «Мама, я эту куколку боюсь...» И показала на ангела, висевшего на зеркале в ее детской.

Игрушечного ангела подарила ей крестная, подруга моя школьная, Жанна. Очень славный ангелок, с круглой румяной улыбающейся мордашкой, с золотым колечком-нимбом на светленьких кудряшках, из-под беленькой ночной рубашки торчат розовые пяточки. А крылышки маленькие, как у воробья. Хорошая, добрая игрушка, совсем не страшная.

Правда, в темноте он слегка светится, уж не знаю, из чего сделан, но светится. Чуть-чуть... Красиво – на взрослый взгляд. И все-таки, наверное, немного жутковато – на детский. Вот Катька и испугалась его когда-то и продолжала бояться так долго! Со страхами нужно бороться, по себе знаю. Очень они мешают жить.

Разговор с дочерью начала издали:

– Зайка моя, почему ты его боишься, это же твой ангел-хранитель! Видела, как он в темноте светится?

– Ты его убери, выброси... – и отвернулась даже, бровки нахмурила.

Я думаю, нет, мало ли чего ты в следующий раз бояться начнешь – так все и выбрасывать?

– Перестань, Катя. Как это мы его в мусорку выбросим, чтобы он среди картофельных очистков что ли лежал? Он же маленький, хороший, помнишь, тебе тетя Жанна его подарила? Она тебя очень любит.

Но Катя оставалась непреклонной. И тогда я спросила:

– Ну хочешь, расскажу тебе сказку про ангела?

Сказка – это и поныне самый мощный аргумент в любом разговоре с дочерью. Правда, на тот момент я подходящей сказки про ангела не знала, поэтому пришлось сочинять на ходу. И вот что сочинилось...

– Жил-был маленький ангел. Он очень любил играть, петь песенки, гулять. Знаешь, как гуляют ангелы?

Катя подумала и предположила:

– В парке?... Не знаю.

Ну я-то, положим, тоже не очень знаю, какие прогулки у ангелов, но уж если начала, надо продолжать:

– Ангелы, Катя, летают из дома в дом, смотрят, как поживают маленькие детки, которых они защищают. Днем и ночью летают. Днем заботятся о малышах, следят, чтобы они хорошо кушали, маму слушались. Берегут их. Вот упал, например, малыш, а ангел тут как тут, подставил ладошки – и малышу не больно. Ночью присматривают, чтобы сладко спали, видели хорошие сны и ничего не боялись.

Тут она впервые глянула на нашего «пернатого» с робким интересом...

Воодушевленная первым успехом выдвинутой версии, я продолжила:

– И вот однажды один маленький ангел прилетел в дом, где все уже давно спали, а свет был выключен. Он немножко боялся темноты (ну совсем как ты). Но он очень любил маленькую девочку, которая жила в этом доме...

Абстрактные герои в этом возрасте впечатления не производят, поэтому Катя тут же уточнила:

– А как ее звали?

Отлично, подумала я, пусть знает, что не она одна на свете трусишка...

– Танечка ее звали, Киселева, к примеру... В общем, ангел подумал об этой девочке и заметил, что...

Я сделала специальную «сказочную» паузу и увидела, что глаза у Кати сделались круглые, как личико у игрушки с нимбом.

– Что?... – шепнула она заворожено, заранее готовая и испугаться, и обрадоваться...

А я добавила оптимизма в голос и объявила:

– Что он светится! И чем больше он думал о девочке, которая жила в этом доме, тем ярче светился! Как маленький фонарик! Или как светлячок – помнишь, мы отдыхали на море, там вечером кругом летали светлячки?... Он посветил-посветил сам себе, быстро нашел комнату маленькой девочки, поправил ей одеяльце, поцеловал в лобик и полетел обратно. А светился он от любви. Вокруг было темно, но он освещал свой путь собственной любовью...

Это уже не было похоже на детскую сказку, но Катя отвлеклась от моего рассказа: она смотрела на своего игрушечного ангела-хранителя с явной симпатией. А он улыбался ей в ответ... То есть он-то улыбался и раньше, но заметила его улыбку Катя, кажется, только тогда...

... Я рассаживаю плюшевых игрушек на диване в Катиной комнате... Над диваном фото: я, Миша, Катя обнялись и смеемся. Когда это было? Год назад. Всего год назад. Целый год назад...

А моей Кате уже восемь лет. Она давным-давно не боится темноты. Маленький ангел по-прежнему висит в ее детской, и она любит смотреть на него перед сном. Она просит выключить

свет, чтобы посмотреть, как он светится. Иногда подолгу держит его рядом с лампочкой, чтобы он светился ярче. Я знаю, что иногда она с ним шепчется. По-моему, о чем-то просит.

Она, наверное, уже забыла мою сказку, зато ее хорошо помню я. И, несмотря на то, что сама ее сочинила, очень хочу в нее верить...

Слышу, как открывается дверь: это Катя. Ее с подружкой-соседкой забирает из школы подружкина мама в те дни, когда у меня не получается. У меня часто не получается...

– Катя, а я уже дома.

Присаживаюсь передней на корточки, целую любимую мордочку:

– Соскучилась по своему котенку-мальшонку. Ухожу рано, прихожу поздно. Работа такая, Кать...

Чмокаю часто-часто, сюсюкаю, тормошу свою девчонку, а Катька вздыхает по-взрослому:

– Да знаю...

Расстегивает босоножки и начинает рассказывать с лукавым выражением на мордашке:

– Сегодня утром смешно было. Мы с папой сели завтракать, папа включил телевизор. Ты там с каким-то дедушкой разговаривала. Папа и говорит: «Давай попьем чай с мамочкой». А я ему говорю: «С мамочкой – это хорошо, это вкусненько. И бутербродик мне тоже намажь».

Мы смеемся: она довольная своей шуточкой, я тем, что она уже умеет шутить. Чувство юмора в нашей жизни – штука бесценная. Нет, не самая, конечно, ценная, но нужная, обиходная вещь...

А самое ценное... Что? И я снова вспомнила «дедушку», как его назвала Катя, Николая Пантюхова.

Я уверена: ничего в нашей жизни не бывает случайным. Ни одна встреча, ни одно слово. Вот и сказку, которую я четыре года назад сочинила на ходу, мне наверняка продиктовало что-то, что умнее и сильнее меня. Эта простенькая сказка на самом деле предназначалась для меня. Как маленькое напутствие перед грядущей долгой дорогой. Во тьме, рассеять которую может только любовь...

Глава 5

Бывало и пообрей

Я проснулась, но вставать еще не хочется. Даже не взглянув на будильник, знаю, который час: сейчас без какой-то мелочи семь. Узнаю «сигналы точного времени» по звукам из приоткрытого окна: троллейбусы ходят довольно часто, в рабочем режиме, и уже начали стучать по асфальту каблучки, а это значит, настало время идти на работу служащим; все чаще заводятся и уезжают со стоянки во дворе автомобили. А вот детских голосов и хныканья еще не слышно: в детский сад рановато. И солнечный свет за сиреневыми занавесками спальни особый: он еще не набрал свою дневную силу. Полежать еще?

Кровать Мишина, естественно, уже пуста: одеяло откинута на спинку, подушка по-солдатски аккуратненько взбита. Издалека слышно, как в ванной течет из крана вода: Миша предпочитает бриться станком, а не «Филипсом» с плавающими ножами, который я ему подарила когда-то на Новый год, поддавшись на уговоры телевизионной рекламы. Семи еще нет, а он не дождался звонка будильника и уже бреется. Значит, спешит.

Отмечаю все эти факты со странным чувством облегчения с оттенком вины. Господи, да что же это такое? Я живу в постоянном осуждении самой себя за то, за это, за неудачи, за тщеславие, за то, что влюбилась, за то, что разлюбила!

Резко отбрасываю одеяло, как будто вместе с ним хочу отбросить совершенно неуместные и просто вредные утром мысли. Попробуем перестроиться с неприятных размышлений о том, что я, судя по всему, разлюбила своего мужа, на какие-то плюсы. Погода, может, сегодня будет хорошая? Ну да, снова жара. Сегодня на работу к девяти, а не к шести? Но это не плюс, не минус, не повод радоваться и не причина огорчаться. Это просто неотменяемая повседневность, так похожая на мою семейную жизнь.

Нет, искусственно формировать настроение не получается. И поэтому вот уже почти год каждое утро меня, как звонок будильника, настигает мысль о том, что мы с Мишей вместе только потому, что у нас есть Катя. И еще о том, что ни он, ни, тем более, я не захотим менять что-то в нашей, а главное в ее жизни.

Да, все это не очень красиво. Не так красиво, как кажется кому-то со стороны. Про нас все время говорят «красивая пара», вкладывая в это понятие и благополучие, и успех, и любовь, конечно.

А вот ноги у меня действительно красивые. Могли бы быть подлиннее, но я ведь не модель и не балерина. Щиколотка тонкая, линия плавная, целлюлита пока нет. Это я так старательно настраиваюсь на позитив, как будто уговариваю себя: у меня ведь и достоинства есть, не правда ли? Хотя бы внешние.

В этот момент в спальню входит Миша, продолжая вытирать лицо полотенцем. Свежий, энергичный. Уж он-то себя наверняка не изводит по утрам самоанализом, даже когда для этого есть основания. Мельком глянув на меня, Миша открывает дверцу шкафа и произносит:

– Проснулась уже? Доброе утро.

Я сажусь по-турецки, тянусь за расческой на маленьком столике, начинаю расчесываться:

– Бывало и пообрей.

И сразу понимаю, что ляпнула не то. Эх, всей стране могу сказать: «Доброе утро!», не обращая внимания на свое настроение, а родному мужу – язык не повернулся. Вот, теперь нужны объяснения. «А почему не доброе?» – «А потому...» И дальше, все в анекдотической прогрессии. Помните «оговорочку по Фрейду»? Когда вместо: «Передай мне соль» – «Ты мне всю жизнь переломала!»

А не буду ничего объяснять, а то придется рассказывать этот анекдот или другую старую как мир историю. Например: Адам и Ева жили-были в райском саду, потом Ева нашла яблоко.

Адама в этот роковой момент рядом не оказалось, а подвернувшийся по случаю змей доступно объяснил девушке все про вкус яблок и пользу витаминов: цвет лица, укрепление зубов и корней волос. Или что-то другое он ей наговорил? Наверняка, другое. Неважно, главное – это было интересно и познавательно. Съела Ева яблочко с превеликим удовольствием, а потом, с уже меньшим удовольствием, отправилась искать Адама. Нашла и обнаружила, что змеи и яблоки отныне волнуют ее куда больше, чем праведный супруг. И на обыденные приветствия мужа стала отвечать мелким хамством. Примерно так...

Вслух, разумеется, я не произношу ни слова.

Миша, однако, не пропускает мое замечание насчет «недоброго» утра мимо ушей. Ничего не спрашивает и садится рядом, смотрит на меня мгновение и... делает движение расстегнуть свою свеженькую, мною лично выглаженную рубашку...

– Мадам, давайте опоздаем на работу вместе... надолго. Скажем, что попали в пробку.

Удивительная толстокожесть. Разве не заметно, что я не расположена шутить? И вообще – ни к чему не расположена. Я спускаю ноги с кровати и говорю довольно сухо:

– А в какую пробку попала я? Наверное, в метро. Иногда мне кажется, Миша, что ты живешь на какой-то особой волне. И не способен настроиться на мою. Ну, хотя бы в мелочах.

Если он и обиделся, то виду не подает. Просто встает, пожимает плечами, но говорит серьезно:

– А о каких волнах ты сейчас говоришь? Я думаю, диапазон у нас все-таки один. Ну, мне так кажется. Только режим дня разный. Я уже и не помню, когда ты меня целовала. Хотя бы...

Я нарочито глубоко вздыхаю, подхожу к зеркалу и уже в зеркальном отражении вижу на самом деле расстроенное лицо мужа. Мне становится неловко. Подхожу к Мише и обнимаю его, положив голову ему на грудь:

– Ладно, прости меня, негодяйку. Но еще неделю я буду невыносима. Потерпи.

Миша обнимает меня крепко, смеется с облегчением и в то же время немного озабоченно:

– Значит, у нас есть две новости, одна – хорошая, другая – плохая. Хорошая – ты точно знаешь, когда перестанешь быть... м-м... негодяйкой. Плохая – долго придется этого ждать.

С небольшим усилием принимаю игру:

– Есть еще третья новость – главная. Ни плохая, ни хорошая. Нет, если честно, то плохая: через две недели состоится вручение «Золотой Телевышки».

Миша качает головой и хмурит брови:

– Я об этом уже давно слышал. Рекламу по телику гоняют уже месяца два. А что плохого в этом, не понимаю?

Приходится объяснять:

– Ну, новость в том, что меня номинировали на «Телевышку». И мне ее не дадут.

Михаил, сделав паузу, спрашивает:

– Ты так уверена? Почему?

– Долго объяснять... Сильные соперники...

– У меня тоже сильные соперники, – пытается поддержать меня муж, обнимая еще крепче, – но я же не сдаюсь!

– А... И я не сдаюсь, а что толку?

Я безнадежно машу рукой и, убрав голову с груди мужа, направляюсь к двери ванной. Смотрю на себя в зеркало. Зеркало меньше, чем в спальне, освещение «теплее», и лицо у меня теперь тоже чуть-чуть другое. Я поднимаю брови, пробую улыбаться. Вернее, стараюсь придать лицу менее кислое выражение. Получается! Беру щетку и зачесываю волосы назад, стягиваю их туго-туго.

Моя любимая работа. Моя чертова работа. Сейчас я приеду на студию, и ведь никто не догадается, какой раздрызг в моей душе. А почему, собственно, мои коллеги должны страдать

от моего настроения? А почему мои зрители должны видеть мою кривую улыбку и страдальческие глаза? Потому что мне скоро сорок, и я чувствую себя белкой в колесе? Ладно, что уж перед собой лукавить: да, пусть белкой! Но эта белка день изо дня расчесывает свой пушистый хвост, тренирует лапки, подкрашивает глазки и вообще – без ума от того, что ее сверкающее на солнце колесо стоит на самом видном месте. Белка ведь еще и «песенки поет, и орешки все грызет, а орешки не простые...»

Голос Миши возвращает меня в реальность:

– Рита, я ухожу!

Почему так странно подпрыгнуло сердце от обычных слов?

Ой, матушка, а ведь ты боишься: вдруг однажды эти слова прозвучат в иной тональности?

В другой раз крикнула бы из ванны «пока!» и продолжила чистить зубы. А тут выплюнула пену изо рта, сполоснула лицо, сдернула с крючка полотенце, вытираясь на ходу, подошла к мужу и чмокнула в гладкую щеку. И только тогда сказала:

– Пока!

И муж, кажется, не ожидал такого порыва. Даже портфель на пол поставил:

– Какая ты у меня все-таки красивая, Ритка! Глазам больно.

И вдруг меняет интонацию:

– А давай в августе возьмем тур и покорим Джомолунгму!

Смеюсь от души. Я еще и тронута – почти до слез:

– Ты это придумал из-за «Телевышки»? В смысле эту высоту мне не взять, так хоть на Джомолунгму сбегать?

Миша обнимает меня крепко-крепко, просто сжимает и продолжает:

– Да при чем тут это... Нет, ты представь: мы поднимаемся все выше и выше, мы одни во Вселенной. И это несмотря на то, что сзади – десять человек проводников из местных, несущих нашу туристскую кладь. Цветут горные цветы, поют горные орлы, или кто там еще... Первозданная тишина, красота и воздух, от которого кружится голова...

Воображение у меня богатое: толпа низкорослых жилистых аборигенов, стигающих под грузом рюкзаков, палаток и провианта, тут же встает у меня перед глазами. Я уже вижу их усталые смуглые лица, равнодушные к горным красотам глаза, опущенные вниз, на каменистую тропу. Вижу и нас с Мишей, с идиотскими рекламными улыбками, приставив к глазам руки козырьком, обозревающих окрестности. Сквозь смех спрашиваю у него:

– Но там, на вершине, ты ведь вручишь мне утешительный приз – цветной телевизор? Я же без телевидения жить не могу...

Михаил, направив на меня указательный палец, говорит серьезно:

– Заказ принят, сценарий утвержден, детали – в рабочем порядке. Все, пошел.

Дверь за ним закрывается.

Да, кажется, Миша и в самом деле настроен провести свой отпуск именно так. А я? В общем, его сценарий еще надо согласовать с моим руководством... С моим любимым руководством... И вряд ли этот сценарий будет утвержден без поправок.

В этот момент на туалетном столике звонит мобильник – это опять Миша. Я спрашиваю в трубку:

– Ты решил вручить мне не телевизор, а холодильник? Или мы заберемся на другую гору?

Голос Михаила в трубке звучит очень серьезно и озабоченно, нет и тени от прежнего игривого тона:

– Прости, я забыл тебе сказать. Я задержусь сегодня вечером. Возможно, надолго. У меня есть проблема, которую я должен срочно решить. Все, пока.

Я задумчиво нажимаю на кнопку «отбой». Ну вот, и у него тоже проблема. И он мне тоже о ней не говорит.

Иду будить Катю. А она уже не спит, наверное, мы разбудили дочку своими разговорами. Сажусь к ней на постельку, кладу голову на подушку рядом, целую в тепленькое, покрасневшее за ночь ушко:

– Доброе утро, зайка.

Катю обнимает меня и говорит еще не проснувшимся голосом:

– А меня возьмете с собой? Подниматься выше и выше?

Я опять начинаю смеяться: к толпе воображаемых носильщиков клади добавляется еще парочка наемных бедолаг, несущих паланкин с гордо восседающей в нем Катю. А ей отвечаю:

– Ну, куда ж мы без тебя, солнце мое в оконце?

И правда, куда мы без нее?

Глава 6

На обе лопатки

Я уже минут пятнадцать сижу в кабинете редактора и пробегаю глазами сценарий передачи. Ольга Васильевна в это время занята своими бумагами, но попутно дает ценные указания:

– Ты вопросы почитай, конечно, но... Знаешь, я сильно подозреваю, что ребята будут отвечать «да», «нет», «ну», «ага» и «угу». А тебе придется развивать эти и другие красноречивые междометия до параметров логических ответов. И чтобы все это в конечном итоге напоминало связную беседу.

Я смеюсь:

– Вообще, не факт, что если они борцы, то только морду бить умеют.

И редактор смеется:

– Да они не морды бьют, они на лопатки кладут. Просто как сделать это, они знают, а как об этом рассказать нет.

Я, если честно, со спортсменами знакома мало. Возможно, Ольга и права.

– Может, мне с ними о чем-нибудь другом поговорить? Увести разговор в сторону?

Ольга Васильевна смотрит на меня с усмешкой:

– Рита, мало тебе предупреждений об отсебятине? Ребята на европейском чемпионате «серебро» взяли, по-моему, об этом стоит поговорить, это серьезный повод для разговора. Конечно, все мужики у тебя в эфире рано или поздно все равно заговаривают про любовь, но... хоть для начала, что ли, давай про спорт!

Я пожимаю плечами:

– Интересно же про все: про любовь, про спорт, про жизнь. Начнем, конечно, про спорт. Греко-римская борьба... Пять раз произнести вслух – уже какой-то разговор. А там уж, как пойдет. Помните, как мне полковник милиции Бродского в эфире читал? «Прощай, позабудь и не обессудь. А письма сожги, как мост. Да будет мужественным твой путь, да будет он прям и прост».

Ольга смотрит на меня как-то особенно внимательно и вдруг говорит:

– Рита, по-моему, тебе надо думать об авторской программе. Ты созрела. А вот «Утро» явно переросла.

Так, сразу я ничего не говорю, не до такой степени мы накоротке, но спросить-то можно!

– Ольга Васильевна, это вы мне комплимент сделали или намекаете, что я уже не вписываюсь в молодежный формат?

Она даже хмурится недовольно:

– Брось, Рита. Какое там, «не вписываешься», при чем тут молодежный формат. Ты замечательно работаешь! Но рамки тебе тесноваты. Я же не зря про «отсебятину»... Если дать тебе волю, ты сама придумаеть вопросы и так «раскрутишь» собеседника, как никто! Люди с тобой хотят разговаривать, с тобой лично, это очень важно... Ты же наша Опра Уинфри!

Я задумываюсь: ведь подобные мысли мне уже приходили в голову. Не про Опру, конечно, мании величия у меня нет. Но... в конце концов, я же не собираюсь «будить страну» до пенсии. И мне есть, чем поделиться с экрана, кроме лучезарной улыбки.

Ольга Васильевна наблюдает за мной. И «забрасывает» еще одну «удочку»:

– Назвать передачу как-нибудь... Может, «Мастера и Маргарита»?

Я отрицательно качаю головой:

– Очень уж в лоб... И претенциозно. Нет, тут надо подумать.

Ольга даже смеется от удовольствия:

– Вот видишь, я права! Ты уже не хочешь слушать и соглашаться. У тебя обо всем свое мнение.

Пожалуй, Ольга Васильевна права. Я киваю задумчиво, а она продолжает:

– Рита, поверь моему опыту. Я тебя старше и здесь – всю жизнь, со студенческой скамьи, буквально. Еще студенткой бегала по заданиям, куда пошлют. Ты просто рождена для телевидения. С этим действительно или рождаются, или нет.

Целый день вспоминаю этот разговор. Он очень важен для меня и во многом объясняет мой внутренний «раздрызг»: да, мне хочется делать больше, чем я делаю. Я еще не знаю как, но, по-моему, знаю что.

А завтра поговорю с плечистыми ребятами из сборной по греко-римской борьбе: пусть научат меня, как укладывать судьбу «на обе лопатки» и выигрывать хотя бы «серебро»...

Я еду к маме. Еду в ее новую квартиру, которую сама ей и подарила. «Сама» – это, конечно, перебор, «сама» – это Миша, его деньги. Он у нас основной добытчик на всю семью. Иначе никак не получается, да и по определению, так сказать, не может быть: у него реальное дело, он (вернее, его «сотоварищи» – фирма) производит конкретную продукцию – такую же весомую, как все, что он говорит и делает. Это асфальтовая плитка, маленькие тяжеленькие «пазлы», которые своим фигурным панцирем покрыли уже почти весь наш город. Раньше, когда дело только раскручивалось, он радовался, как ребенок, оказавшись на улице, вымощенной «своей» плиткой: обязательно топнет по ней ногой и скажет: «Наша земля!»

Но, конечно, если бы не моя ласковая убедительность, у мамы не было бы новой квартиры, совсем недалеко от нашей собственной.

Я родилась в деревне, вернее, в маленьком поселке городского типа под Молодечно. И ничего из этого самого раннего детства не помню: вскоре после моего рождения семья переехала в районный центр. Позже мама рассказывала, как радовалась новой «благоустроенной» квартире: она была в центре Молодечно, на пятом этаже, внизу, как на ладони, располагался городской рынок. Это казалось маме пределом ее мечтаний, и это, наконец, воплотилось в жизнь!

Когда я подросла, и мы с ней стали подружками, мама делилась: «Я всегда знала, что буду жить в большом городе, буду смотреть вечером в окно и видеть море огней!» И показывала мне это «море огней» – по-разному светящиеся окна в квартирах таких же пятиэтажек, габариты проезжающих по нешироким улицам машин, уличные фонари, ночное освещение рынка...

Когда я стала взрослой и уехала учиться в столицу, родители объявили мне, что вместе жить больше не будут. Семью они сохраняли исключительно ради меня: старший брат уже был женат, давно жил отдельно. Это, конечно, для меня, семнадцатилетней, не стало страшным открытием: и не такие взрослые дети все чувствуют и замечают, даже если родители «шифруются». А наши семейные проблемы были слишком очевидны: папа часто «давал повод». Родители развелись, а вот жить пришлось все равно вместе, просто по разным комнатам, как соседи.

В общем, спустя год я вышла замуж. А через несколько лет, когда у меня родилась Катька, мама приехала помогать мне на первых порах, да так и осталась. А папа и сегодня живет в нашей маленькой квартирке в Молодечно, в комнате с видом на «море огней». Я часто бываю у него, так часто, как могу. Это мой папа, и я его люблю и жалею...

Конечно, мне очень повезло с мужем. Отчуждение, возникшее между нами, – это только моя вина. Объяснить все это я могу, а вот исправить что-то? Не знаю, не знаю...

Да, мамина квартира... Сначала мы приобрели новую для нас, с расчетом, что мама будет по-прежнему жить с нами вместе. Дело в том, что вот этой анекдотической пошлятины по поводу «тещи и зятя» в нашей семье никогда не было.

Это не значит, что они с Мишей были «не разлей вода». Но мама, раз и навсегда оценив спокойную надежность моего мужа и поверив ему, очень уважала его. И даже в наших ссорах всегда принимала его сторону. Он-то об этом и не знал, но именно мама могла найти для меня такие слова, что я складывала лапки ковшиком и бежала мириться. Однажды, после очередной

нашей размолвки, она сказала мне: «Ему тридцать, а у него уже виски седеют. Думаешь, легко ему? И еще твои свинячьи выходки терпеть...»

Сочетание ее душевной теплоты и простонародной грубости меня мигом приводили в чувство. И становилось жалко Мишу, в ту пору действительно загибавшегося на производстве, и себя, эгоистку, и маму, наверное, жалевшую и меня, и его, и себя.

Еще запомнился случай. Поругались мы с мужем, как водится, сижу, надутая, у мамы в комнате, шиплю ей все, что недовысказала ему. А она так буднично, вполголоса говорит: «Ну, разведись с ним, где еще такого доброго, такого смешного найдешь?» И слезы у меня хлынули потоком, и побежала к своему, действительно добром, действительно смешному...

А какие претензии к мужу я выдвигала тогда? Стыдно даже вспоминать. Дома бывал мало. С Катькой не гулял. Денег тоже не хватало. Ах, да, еще не проявлял ко мне должного внимания. Попросту говоря, со мной не спал. И ведь причины его мужских проблем были мне понятны, они уважительными были, эти причины, даже, пожалуй, социальными. Трудным было «перестроечное» время: финансовая неразбериха, общая нестабильность, дефицит. Но нет! Шашки наголо и в бой! Дура... И как его хватило на все: и дело свое отстоять, и мои истерики вытерпеть? Может, чувствовал, если уж он дрогнет, то Екатерина Дмитриевна костыми ляжет, а семью дочери сбережет. Нет, конечно, свою семью. Ведь мы по-прежнему семья.

Мама много лет терпела и ждала, когда ее горячо любимый гулена уgomонится. Сдалась только тогда, когда гулянка, по понятным причинам, прекратилась, а началась пьянка – по тем же понятным причинам.

Вот мамин дом на Некрасова. Высокая «башня», построенная по новой, какой-то то ли «каркасной», то ли «монолитной» технологии. Смотрю на это торжество современного градостроительства с гордостью. Да не только за то, что свой дочерний долг – хотя бы и при помощи мужа – перед матерью выполнила, а просто: люблю свой город! Так здорово смотреть на эти дома-супермодели, раскрашенные в яркие теплые цвета, и мечтать, что все в нашей жизни будет хорошо: чисто, прочно, надежно, достойно. Мы ведь уже живем в таких домах! Вот они – потрогать можно, потопать, сказать: «Наша земля!»

Мама открывает дверь с ручкой и листком бумаги в руках:

– Привет, доча, – и убегает в комнату. Оттуда кричит: – Проходи, я сейчас, рецептик один запишу только...

Прав был герой одного старого фильма: «Ничего не будет: одно телевидение!» На работе у меня телевидение, дома – во всех комнатах, прихожу к маме – вот оно!

Захожу в комнату. Рецепт не кулинарный: целитель-самоучка Халатов на пару с некогда популярной актрисой поучает малообразованных домохозяек, как беречь здоровье. Актриса говорит почти так же много, как и Халатов, улыбаясь при этом, как Гуинплен. Углы ее накачанного силиконом (или жиром с ягодиц, не знаю...) рта подтянуты вверх, но латексный натянутый лоб и лишенные мимических морщин глаза как будто не принимают участия в улыбке. Если абстрагироваться от ее трескотни, и просто смотреть в глаза... Ужас! Да, но «человек, который смеется» хоть попал в руки жестоким изуверам, а эта богатая дама по доброй воле легла под нож пластического хирурга.

– И чему ты у них учишься? – спрашиваю я, садясь с мамой рядом на диван.

– Нужно с утра выпивать стакан минеральной воды с ложкой меда и соком половины лимона, – говорит мама, все еще глядя на экран. – Это полезно для обмена веществ, а значит для кожи, волос, общего тонуса. Напиток – тормоз для старения.

– Стареть нужно с достоинством, – неожиданно назидательно изрекаю я. Неожиданно для самой себя, потому что проблема старения занимает меня последние дни больше, чем хотелось бы.

Мама смеется:

– Вот и ложились. Я, кажется, только этим и занимаюсь все время: старею с достоинством.

Я спохватываюсь:

– Мам, да я не про тебя, про себя. Настраиваться как-то надо на новый возраст, чтобы не выглядеть смешно. Ну, помнишь ту байку про кинозвезду: «Маленькая девочка... Девушка... Молодая женщина... Молодая женщина... Молодая женщина... Бабушка умерла». Вон, как эта мумия.

Киваю на экран, где Халатов со своей свежемороженой коллегой уже прощаются с телезрителями.

Мама замечает:

– Да уж, зря она так с собой. Нос зачем-то поправила, губы надула. Зря, у нее в молодости носик был курносый, глаза синие, блондинка... Чего еще хотеть? Такая была миловидная.

Сочетание этих «особых примет» полностью совпадает с набором прелестей Алисы. Вспоминаю Алису, и все мои проблемы встают передо мной «в полный рост». И я решаюсь поделиться ими с мамой.

– Знаешь, мама, я номинирована на «Золотую Телевышку» в этом году. Но почти наверняка мне ее не присудят, – от частого повторения, видимо, эти слова я уже могу произносить спокойно, почти без выражения. Уже хорошо.

– Почему? – растерянно спрашивает мама. – Нет, так нечестно. Несправедливо! Когда я бываю в санатории, у меня все просят твой автограф, ну вот все. Как узнают, что я мама Риты Дубровской, так сразу улыбки, вопросы... Ты очень популярная! Я тобой так горжусь! Вот поеду на Нарочь, ты мне подготовь автографы – отвезу всем девочкам из персонала, которые просили. И фотографии дай, они будут рады.

– Я фотографии с автографами дам, конечно. Даже календарики дам, – дело в том, что у нас же на канале их специально печатают для «промоушена», у меня их вагон, – но я не об этом, мама.

– А о чем? – мама смотрит, чуть отклонив голову, как бы со стороны. И вдруг – как обухом: – С Мишей что-то не так?

А я, не сгруппировавшись вовремя, отвечаю, как есть:

– И с Мишей тоже.

Мама встает и выключает без толку вещающий телевизор. Садится в кресло, которое стоит у стены. Как будто отодвигается от меня. Да, тут поддержки не жди.

– В чем дело-то? – устало спрашивает мама.

– Во мне, – честно отвечаю я. – Я чувствую, что ко мне все просто привыкли, что ли. Зрители, коллеги, муж. Я расту, изменяюсь, старею, наконец. И отдаю им всем больше, чем получаю! Я просто обозначена как-то, ну и ладно. Наверное, мне этого уже мало.

– Тебе хочется большого и сильного чувства от них от всех? – надо же, мама иронизирует. А я не буду:

– Да, ответного чувства.

Мама настроена юмористически:

– С мужем – это понятно. Хотя мне кажется, Миша относится к тебе даже лучше, чем...

– Чем заслуживаю? – кротко вопрошаю я.

– Нет, чем раньше. Ну ладно, это мое мнение. А как ты проверишь, вот со зрителями? Они должны поцеловать экран, когда ты на нем появляешься?

Как я легко начинаю злиться в последнее время!

– Знаешь, легче всего смеяться над тем, чего не понимаешь. Попробую на примерах из жизни... Миша – бизнесмен. Он работает, вкладывает деньги, ну что еще... Разрабатывает стратегию, строит планы, реализует их. И конечный результат – налицо. Ты воспитываешь мою дочь, меня воспитываешь до сих пор («просвистело и ухнуло прямо в мой огород», как говорит мама), и результат тоже виден.

– Заметен, прямо скажем, – вставляет мама свои ответные «пять копеек».

– А у меня результат может быть один – признание коллег, профессионалов. Потому что их признание – это реальное подтверждение моей пусть не очень заметной, но вовсе не призрачной популярности у зрителей. Все связано. И знаешь, не так обидно, когда работаешь год из года, и это воспринимается как должное. Обидно, когда вроде бы заметили, но решили ничем не отмечать. По здравому, так сказать, размышлению.

Мама обдумывает мои слова. Я молчу. Не жду, что она выдаст какую-то сентенцию, которая меня утешит или объяснит что-то. Что объяснять, зачем утешать... Так и происходит: утирать мои невидимые миру слезы никто не собирается.

– Пойдем, чаю попьем, – говорит мама, направляясь на кухню.

Мы пьем чай и едим чудные пирожки с капустой и картошкой. Мама не боится расползеть: очень уж она у меня энергичная. Я, будем считать, тоже.

За окном вечереет. Сгущаются сумерки. Мама поворачивает голову смотрит в окно. У нее красивый профиль: правильный нос, брови вразлет... Мне достались мамины брови и папин нос. Давно я не ездила к папе, в Молодечно... И мама вдруг говорит, будто подслушав мои мысли:

– Помнишь, я тебе говорила давно: «Однажды я буду жить в городе, и у меня за окном будет море огней». Думала, что это про ту нашу квартирку, в Молодечно, а это было про вот этот мой дом. Смотри, какие огни внизу... Спасибо вам, дети, вы у меня лучше всех.

Горло перехватывает... А внизу сияет и переливается вечерней светомузыкой столица. Вон там, чуть левее – проспект Победителей, высотные отели, казино, реклама, если посмотреть на восток – сверкает разными цветами «бриллиант» Национальной библиотеки. Столичные дороги пестрят светлячками машин, автобусов, трамваев... Мама отводит глаза от окна, с будничным звяком ставит чашку на стол, смотрит на меня и произносит:

– А теперь рассказывай, что у вас все-таки случилось с Мишей. Или с кем-то другим?

Глава 7 «Звездный бал»

Как все началось? Красиво...

На нашем канале запустили очередную «развлекаловку», супер-пупер-мега-шоу: лицензионный проект «Звездный бал». Обкатанный, кажется, уже во всем мире, и во всем мире имеющий успех: медийные персоны танцуют с профессионалами, пары соревнуются, что-то там выигрывают. Кто-то сразу умеет танцевать, кто-то учится на глазах у зрителей. Правда, интересно! И шоу продолжается бесконечно: зрелище того стоит. Зрители в восторге, звезды, по-моему, еще больше восхищены. Замечательно!

Сразу было решено, что вести программу буду я: во-первых, я хорошо вписываюсь в формат, во-вторых, сама неплохо танцую. Оставалось только найти мне партнера-ведущего. Предполагалось, что мы, ведущие, сами должны хоть немного потанцевать, не для конкурса, конечно, а для антуража – это логически вписывается в контекст шоу: пара-тройка па в кадре должна смотреться эффектно. И тут выяснилось, что единственный из моих коллег, кто умеет танцевать, это Игорь Сорокин. Но он ниже меня ростом и смотримся мы рядом просто забавно. То, что симпатяга Игорь ниже меня, и раньше бросалось в глаза, это очевидно. Но в данной ситуации этот факт было до слез обидно признавать: танцует-то он и правда великолепно – долгое время занимался в студии бального танца.

Была сделана попытка подыскать замену мне по принципу «те же данные, но ниже ростом». Ни одна кандидатура не прошла («браво, Рита!»): здесь очень важен момент импровизации, а импровизировать в кадре трудно порой даже лучшим из нас. Я умею.

Вернулись на исходную позицию и стали «скрести по сусекам» в поисках партнера для меня. Предложенный в качестве варианта конферансье из мюзик-холла, остряк, умница, хохотун с ослепительной улыбкой, довольно сносно танцующий вальс, не подошел тоже. Чтобы вписаться в формат и общаться с нашими звездами на равных, ему пришлось бы тщательно изучать их творческие и личные биографии. Он их попросту не знал! Кроме, разумеется, поющих на эстраде. А ведь для участия в конкурсе были заявлены и киноактеры, и спортсмены, и музыканты, и циркачи. Со многими из них я знакома лично, почти все были у меня в утреннем эфире, некоторые – не по одному разу. Итак, нужен был человек, отвечающий вот таким суровым требованиям: «свой среди своих», знающий всех не понаслышке, высокий, красивый, обаятельный, умеющий и поддержать конкурсантов, и пошутить экспромтом, и главное – танцевать!

И тогда свою кандидатуру предложил он, сам Сергей Александрович Сосновский, наш многоуважаемый шеф. Оказалось, что в юности он тоже увлекался бальными танцами.

О-о-о... Как он вошел в студию! Конечно, я его видела не в первый и даже не в сто первый раз. Но увидела все же впервые.

«С чего начнем?» – спросил он. «С танца!» – бойко ответила я.

С танца все и началось...

Несколько фонограмм он взмахом руки отменил: «Нет, не фокстрот, нет, не ча-ча-ча...» А когда раздалось тягучее танго «Stop» из фильма «Горькая луна», он сделал знак: «Да!»

И обнял меня.

Я вспоминаю этот момент каждый раз, когда он прикасается ко мне. Хотя это неповторимо. Кто-то говорит о своих первых ощущениях, что это похоже на удар током. Нет, конечно. Я, привыкшая связывать с «живой жизнью» самые смелые фантазии, не буду даже вспоминать про поражение электричеством. Испытала однажды на себе, еще в раннем детстве. Там – болевой шок, пусть сиюминутный, здесь же был чистый чувственный восторг!

Как и положено в танго, одной вытянутой рукой он взял и приподнял мою, другой обнял меня чуть выше талии. И «сообщил движение» нашей паре, двинув меня в нужную сторону. Он смотрел мне в глаза, и эти глаза улыбались. Но лицо оставалось чуть отстраненным – так ведь и нужно танцевать танго! А вот я улыбалась, как дура, потому что меня никто и никогда так не кружил, не обнимал, не отталкивал и не принимал в объятия, как он. Хриплый голос певицы Сэм Браун уносился все выше, а моя танцующая душа летела в сверкающую пропасть. Существительное «пропасть» и глагол «пропасть», как можно заметить, однокоренные слова. У них ударение в разных местах, а по смыслу они очень близки. Вот я и пропала. Я влюбилась.

Мы танцевали и танцевали, а потом фонограмма закончилась. Он галантно поцеловал мне руку, я сделала глубокий реверанс. Раздались такие аплодисменты, которых эта студия не слышала потом ни разу во время самого конкурса! Все сбежались ближе к танцполу и хлопали, хлопали, кричали «у-у!» и даже свистели, как на рок-концертах. Я чуть не лопнула от счастья!

«Кажется, у нас получилось, да, Рита?» – спросил он. И я почувствовала, что заливаюсь румянцем. «Да», – сказала я с интонацией невесты, стоящей под венцом.

Ну, это уж потом мне Наташка открыла глаза на репутацию Сосновского как самого опасного сердцееда в масштабах нашего профсоюза. А может – и за его пределами! Потом. Когда было поздно, безнадежно, безвозвратно.

Передача шла в записи, поэтому иногда за смену удавалось записать два-три эфира, поразному. Наши звезды танцевали, кокетничали, красовались перед камерами, стараясь быть элегантными и пластичными, обаятельными и обворожительными. Я делала все то же самое, только посвящалось это не зрителям (пусть простят меня), а ему. Он был безупречен! И если меня можно было упрекнуть в излишнем кураже, то Сергей Александрович держался джентльменом и с конкурсантами, и со мной.

Вспоминаю то время, и до сих пор меня охватывает дрожь волнения. На работу я бежала как на свидание. Прекрасно зная, что придется переодеваться и наносить студийный грим, сто раз меняла наряды, тщательно красилась, меняла духи. Духи-то оставались на мне в любом случае! В ход пошла редко мной употребляемая «тяжелая артиллерия» – «Черная магия» и «Гипноз». Эти на самом деле тяжелые, цепляющие, волнующие ароматы, как оказалось, он не выносил раньше. Но в атмосфере этой ярмарки тщеславия они были очень кстати. И он привык: это для него был не мой запах, а запах «Звездного бала».

Но волновала ли я его тогда так, как он волновал меня? Если что-то и было, он умело скрывал свои чувства. Очень долго.

Пока однажды, после очередной многочасовой записи в «шестисотке», он не окликнул меня на стоянке перед телецентром.

– Рита! Подожди меня.

Я остановилась. И пока он шел ко мне от своей машины, не думала вообще ни о чем, в голове был какой-то невероятный сумбур: как будто бал продолжается, я стою с бокалом шампанского, отпив уже половину, и жду его приглашения на танец. И вот он идет – приглашать меня на вальс.

– Не заводится. Подвези меня до Площади Победы, пожалуйста, – сказал он довольно буднично, пряча в карман ключи от своей «вольво».

Легкий звон в голове прекратился мигом: это, наверное, лопнули последние пузырьки шампанского в моем воображаемом бокале.

Я тоже что-то совсем обычное сказала в ответ, села за руль, он – рядом. Машина плавно тронулась с места.

Мы молчали всю дорогу. Сначала это было тягостно: все-таки хоть из вежливости можно было затеять какой-нибудь разговор. Можно было обсудить наш проект, поделиться впечатлениями, посплетничать немного, наконец.

Нет! Он молчал и смотрел в боковое стекло.

Я тоже решила молчать.

А в чем, собственно, дело? Я его везу, это его забота быть вежливым со мной. Я дама, в конце концов. И субординацию я тоже не нарушаю своим упрямым молчанием: а вдруг у шефа настроение плохое, машина не завелась, то да се?...

Где-то на площади Якуба Коласа, на светофоре, то есть за две минуты до нашей «конечной» остановки, я вдруг поняла, почему он молчит. И почему машина «не завелась». И мне стало трудно дышать...

Нет, я не настолько самоуверенна, как может показаться со стороны. Большинство моих поклонников – виртуальны. Я вышла замуж в восемнадцать лет, и все эти годы была «верной супругой и добродетельной матерью». В общем, во многих вопросах, в том числе в стратегии обольщения и в тактике измен, я полный профан.

Но я просто кожей почувствовала: он напряжен и взволнован не меньше меня. И я ему очень, очень нравлюсь.

Он сказал:

– Спасибо, очень выручила, – и вышел, мягко захлопнув за собой дверь.

Он не попрощался, а я не успела ничего сказать в ответ. Сидела, сжав руль руками в перчатках, и смотрела на него. А он стоял на тротуаре и тоже смотрел на меня, долго, минуту, наверное. Больше я выдержать не смогла и уехать тоже! В ушах пульсировало: «Назад-дороги-нет... Назад-дороги-нет...»

Выскочила из машины, успев, однако, автоматически включить аварийку, и мигом оказалась рядом. Он стоял, положив руки в карманы своего длинного пальто «редингот», и серьезно смотрел на меня, все так же молча. И вот каким был наш первый поцелуй: я крепко вцепилась в широкий воротник пальто, прижалась к нему всем телом, как смогла, и дотянулась губами до его щеки.

Он улыбнулся. И опять ничего не сказал! А чего, впрочем, говорить – все и так было слишком ясно нам обоим.

А вот каким был наш второй поцелуй: я изловчилась и попала в улыбающиеся губы.

Только тогда он мне чуть-чуть ответил – губами. И сказал вслух:

– Как я рад. Я уже думал, мне показалось, – и наконец-то обнял мои плечи.

– Показалось? – я засмеялась. – Да я с ума схожу по тебе!

– Давно? – настала его очередь засмеяться.

– Вот с того танго... – и я пропела, как смогла, «Stop».

Под мое мяуканье мы покачались немного друг у друга в объятьях. И... очарование первого признания почему-то рассеялось. Но снова стало душно и тесно, и сердце переместилось ближе к горлу. Я отстранилась, вернее, попыталась это сделать – он не отпустил. И сказал прямо в ухо, глухим, но властным голосом:

– Завтра мы встретимся на этом месте. И начнем все сначала.

Я улыбнулась, глядя в пол, и двинулась к машине. Ноги в таких особых случаях бывают ватными, но вата – это что-то легкое, а я тащила за собой пушечное ядро. Мне кажется, каждый мой шаг отдавался звоном тяжелой цепи. Как я не хотела уходить! Но все же влезла в машину, отключила аварийку и тронулась.

Чувствовала себя как зомби. «Завтра значит завтра. Здесь? Ладно. Сначала?... Да».

Вот так все и началось.

Продолжение было более прозаическим. Здесь, на площади Победы, была квартира его старшей дочери, которая в тот год уехала продолжать учебу во Франции, в докторантуре Гренобльского филиала Сорбонны. Вторая его дочь, тоже умница, учится в школе. А жена, говорят, очень хороша собой.

Но об этом я старалась не думать тогда, не хочу думать и сегодня. Понятно почему? Думаю, понятно.

Мы пришли в эту квартиру пешком. И лифта в этом старом доме не было. Пока поднялись на четвертый этаж, дыхание сбилось – у меня. Я так и не смогла восстановить его...

Если бы я решилась рассказать обо всем этом моей маме, то рассказала бы именно так. Конечно, никогда не смогла бы передать подробности.

Но они были прекрасны, как они были прекрасны! Если мужчина умеет так танцевать, еще лучше он умеет любить: я знаю теперь это наверняка. Он знает секрет гармонии. Покояться его пластике и власти легко: да, он все решает сам, но ни один твой вздох, ни один порыв, ни одно движение, ни одна мольба не останутся незамеченными.

Я все-таки говорю об этом?...

Впрочем, все подробности можно вместить в одну простую фразу: «Я стала женщиной». С ним я стала женщиной, вот и все.

Эту тщательно оберегаемую и всеми силами скрываемую перемену во мне, к сожалению, отметили многие. Первым, конечно, ее заметил мой муж. И удивился. Наше отдаление друг от друга началось гораздо раньше, но если спросить его мнение, он будет придерживаться именно этого времени: осень прошлого года.

Ну, и что я могла ответить маме на ее вопрос?

Я ушла от ответа, сославшись на «кризис среднего возраста». И кстати, это тоже правда, просто не вся.

Глава 8

«Ситуация меняется, а модель поведения остается прежней»

Никто не знает, какой важный у меня сегодня день. Никто, даже Наташа, которая (по наитию, видимо) круто завила, распустила мне волосы по плечам и предложила яркую помаду, не знает, что сегодня я буду примерять на себя корону мега-звезды Опри Уинфри – непревзойденной королевы телеэфира. В душе у меня вполголоса звучат африканские «спиричуэлс», хотя я уверена, сама Опра предпочитает другую музыку.

Какую, интересно?... Музыкальные предпочтения – это, по-моему, безошибочный ключ к разгадке человеческой личности.

Опра должна любить классику, или григорианские песнопения, или Элтона Джона, одним словом, классику в любом жанре. Да, наверняка она предпочитает музыку, которая уравнивает эмоции и восстанавливает душевные силы.

Вот я за великую Опру Уинфри все и решила. Надо будет все-таки поинтересоваться и ее мнением на этот счет, при случае, в Интернете.

Наташа брызгает лак на укладку, еще раз проводит кисточкой по лбу... Она закончила свою работу, у нас есть еще минут восемь, можно было бы поболтать. Но сегодня почему-то болтать не хочется.

Моего гостя, модного психолога-консультанта, уже причесали и слегка заgrimировали, и он вышел в коридор: сосредоточиться, собраться. Сосредоточусь и я.

Итак, Ольга Васильевна дала мне сегодня «карт бланш»: разрешила строить разговор в прямом эфире по принципу ток-шоу. Диалог будет живым, мои вопросы будут рождаться из ответов героя, или, наоборот, он будет меня спрашивать, а я отвечать. Как пойдет!

Конечно, персону Опри Уинфри в качестве эталона телеведущей «всех времен и народов» принимает у нас далеко не всеми. Мы все же по-разному мыслим с американцами, да и представления о границах откровенности у нас иные. Я даже не очень уверена, что блестящая полемистка, бесстрашная исповедница, а то и провокаторша Опра сделала бы на нашем телевидении такую же невероятную карьеру, как у себя на родине. В славянском менталитете изначально заложена скромность, а американцы, напротив, культивируют безграничную внутреннюю свободу, а уж как разнообразно ее проявляют, и говорить не стоит. В эфир к Опре приходят гении и сумасшедшие, латентные маньяки и самозванные пророки, оперные дивы и патологоанатомы, писатели и уборщики мусора. Но, конечно, есть какая-то магия в том, что все они – все, без исключения! – в конце концов открывают перед ней, а значит и перед зрителями, свою душу. Ну, или что там у них есть внутри вместо души...

Нет, я вовсе не стремлюсь выворачивать моих гостей наизнанку. И контингент у меня другой: даже в виде

«экслюзива» не попадают ни «пограничные» личности, ни маргиналы. Да и раннее утро, пожалуй, не так уж располагает к откровениям. Но если бы у меня, в самом деле, была авторская программа, и шла она в прямом эфире, в «прайм-тайм», мне было бы о чем поговорить с людьми. Ну, мечтать – так уж ни в чем себе не отказывать!..

...Работаем!

Как и следовало ожидать, психолог, которого зовут Олег Витальевич, сразу решил взять ситуацию под свой контроль, начав читать коротенькую, «минут на двадцать», лекцию о психологической совместимости, о трудностях взаимопонимания, поисках компромиссов в общении и так далее. Или я слишком много читаю, или тема уже несколько приелась: разобщенность, одиночество, коммуникативный голод, эмоциональная глухота...

Ему чуть больше сорока, почти мой ровесник. У него приятное умное лицо, большие светлые глаза, очки в дорогой металлической оправе, голос мягкий, несмотря на низкий тон, интонация немного назидательная – он ведь еще и преподает, в университете, кажется, даже на нескольких факультетах. Ознакомительная «лекция», разумеется, заняла чуть больше минуты, но... стало скучно. Даже мне!

Я даю зрителям еще немного послушать «вводную» в его исполнении, дожидаясь крохотной логической паузы и невинным голосом спрашиваю:

– А что, Олег Витальевич, определило ваш выбор профессии? У вас тоже были трудности с общением?

Олег Витальевич замирает на долю секунды, дыхание как будто перевел. Ага, «клюнуло», что называется! Опра, наверное, именно в таких случаях произносит свое фирменное: «Ага, момент!» Я мысленно погладила себя по головке, как это любит делать Сергей Александрович Сосновский, потому что психолог встрепенулся, и я почти физически почувствовала, как он принимает решение – отделаться общими фразами или сказать чистую правду. Я посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась, очень по-дружески, и правда взяла верх.

– Конечно, у меня, как и у многих, были трудности с общением. Причем не только со сверстниками, но и в семье. Как все подростки, я очень переживал из-за конфликтов с родителями, с отцом особенно. Все повторяется в каждом поколении, это закономерно и естественно. Это нормально, особенно когда об этом читаешь в книгах. А когда сам сталкиваешься с этим в жизни, кажется, что рушится мир. Но вот книги... Книги мне на определенном этапе помогли. Я, мальчишка, однажды увидел в магазине скучную книженцию в тусклой обложке – «Психология семейных отношений». Открыл ее прямо там же, у прилавка, напоролся взглядом на «пример из жизни» – и уже не смог оторваться!

– Книга помогла вам решить свои проблемы?

– Да нет, никакая книга проблем не решает. Та книга просто открыла мне, что я не одинок в своем одиночестве, что это можно и нужно пережить и даже извлечь из этого пользу, неконкретную, нематериальную, разумеется. Просто любой человеческий опыт оказывается дороже всего в конечном итоге. Ничто так не обогащает, как то, что удалось пережить или преодолеть в себе.

Я чувствую, что этот успешный столичный психолог добился так многого в своей профессии не только потому, что приобрел «многая знания». Он, наверное, отзывчивый и теплый человек... И искренний – у него хорошие глаза.

– Я слышала похожее выражение: «То, что нас не убивает, делает сильнее». Если вернуться к трудностям в общении... Что делать, если, несмотря на приобретенный ценный опыт и правильные психологические установки, говоря вашим языком, тупиковые ситуации в общении с людьми все время повторяются? Может, нужно просто прекратить общаться с какими-то конкретными людьми?

Олег Витальевич задумчиво приподнимает брови:

– Такие случаи, конечно, тоже нередки, но это чаще касается семейных отношений. Производственные отношения, межличностное общение в трудовом коллективе можно и нужно нормализовать в любом случае. «Развод», фигурально выражаясь, или увольнение отдельных членов коллектива – это радикальная мера. Но и она, как правило, проблему не решает – ни личную, ни коллективную. Другое дело – семья. Здесь включаются другие механизмы, возникает другой эмоциональный фон и психологические предпосылки. Нет, каждый случай нужно рассматривать отдельно. Иногда непониманием люди называют то, что проще и честнее было бы назвать элементарным отсутствием интереса друг к другу, угасшей любовью.

Нет, до мисс Уинфри мне еще ой как далеко: лидировать в этой беседе не получается. Не подозревая о том, психолог вторгся в мои сокровенные переживания и... уже начал меня консультировать. Я говорю по-прежнему максимально нейтральным тоном:

– Олег Витальевич, ваши корпоративные тренинги пользуются успехом и у нас в стране, и за рубежом: я знаю, вас приглашают в Россию, Украину, Польшу. Но давайте подробнее остановимся на семейных проблемах, ведь нас сейчас смотрят люди, сидящие у экранов домашних телевизоров. Как разобраться в истинных проблемах в семье? Как их решить самостоятельно, чтобы не нанести психологический ущерб родным? Возможно ли это в принципе?

Психолог делает красивый жест: на мгновение поднимает вверх полураскрытую ладонь, как бы взвешивая эти проблемы на руке – тяжело? Тяжело.

– Нужно быть, в первую очередь, честным с самим собой. Люблю? Не люблю? Дорожу семьей? Или хочу создать новую? Однако если человек приходит к выводу, что проблема в семье есть, обозначает ее и начинает искать пути ее решения, это, как правило, говорит о том, что он хочет сберечь свою семью и отношения с супругом.

Ну вот, самое время обсудить со специалистом мои личные проблемы. Сделаю это без ущерба для телезрителей и с пользой для себя:

– Часто семью, которая распадается на глазах, сохраняют только ради детей. Считается, что дети страдают сильнее своих конфликтующих родителей и что последствия развода губительны, порой необратимы для психики ребенка. Как вы оцениваете родительскую жертвенность: она, по-вашему, оправданна? Что перевешивает на чаше психологических весов: правда и счастье ребенка, или правда и счастье его страдающих родителей?

Он улыбается мне. Понял, что у меня «живой» интерес.

– Давайте говорить не о жертвенности, а о любви. На жертву, на самопожертвование способны очень немногие люди. И, кстати, все вкладывают в это понятие разный смысл. Да и любовь каждый понимает по-своему. И все-таки... Я рискую встать в оппозицию к общественному мнению, но буду утверждать: семью, однажды созданную по любви, нужно сохранять всеми силами. Я не говорю о каких-то экстремальных ситуациях, каких тоже немало: пьянство, насилие в семье... Если нет реальной угрозы жизни и здоровью, если речь идет о так называемых «временных трудностях», семейных кризисах. Переживать кризисы, стоически терпеть периоды взаимного охлаждения...

– На глазах у ребенка? «Временные трудности» могут длиться годами...

– Да, конечно, так чаще всего и бывает. Однако жизнь продолжается! Если не решились на крайние меры сразу, значит, в них нет острой необходимости. Не надо лгать детям, но и посвящать их во все проблемы взрослых не стоит. Можно, в конце концов, на собственном примере учить терпению, прощению, любви. Учить хранить семью, в которой еще теплится любовь, если не любовь, то уважение, не уважение, так сострадание, доброта. Пока живо в семье хоть какое-то добро по отношению друг к другу! Улыбчивая искусственность в отношениях ранит детей куда сильнее, чем серьезная откровенность, а нравственное мужество формируется именно в семье.

... В общем и целом разговор получился интересным и познавательным. Надеюсь, не только для меня и Ольги Васильевны, но и для широкой зрительской аудитории. Если кто-то прислушается к советам этого человека и решит «перетерпеть» трудности в семье, это будет уже неплохо. Я, по крайней мере, готова терпеть и дальше. Но есть еще два человека, о планах которых я могу только догадываться. Будут ли так же «терпеть» эти двое? Мой муж и мой... не муж. К сожалению...

Конечно, я и до разговора с психологом была настроена на то, чтобы ничего не менять. Но ведь жизнь порой преподносит такие сюрпризы...

Мы минут пять, как вышли из кадра, направляемся к выходу из «шестисотки». И уже в коридоре Олег Витальевич вдруг взглядывает на меня с каким-то профессиональным прищуром и произносит:

– Маргарита, я обратил внимание, что вы машинально рисуете что-то на бумаге. Можно взглянуть, что?

Я раскрываю папку и молча достаю мои листочки. Я всегда рисую одно и то же – солнышко и птичек. Малохудожественные каракули, детские почеркушки: много солнышек, много птичек...

– Что скажете, доктор? Какой диагноз? – спрашиваю кокетливо, но все же волнуясь, самую малость.

А «доктор» отвечает вполне серьезно:

– Не обидитесь?

– Уже обиделась – на это предположение, – парирую я. А сама и правда слегка завибрировала.

– Мне хотелось бы ошибиться, Маргарита, – говорит психолог, – но вам не хватает любви.

– В каком смысле? – холодно спрашиваю я.

– Не знаю, – пожимает плечами «доктор». – Это, в общем-то, спорная теория, но она имеет место быть. Все эти каракули на самом деле не случайны, они – из подкорки. Солнце – это самое яркое воплощение тепла. Вам хочется больше тепла и свободы. Свобода – это вот эти галочки. Это ведь птицы, верно?

Я киваю, но сдаваться не хочу:

– Птицы, но я вполне... то есть, у меня все в порядке.

Психолог улыбается:

– Не сомневаюсь. А обручальное кольцо вы... просто забыли сегодня надеть?

Я машинально прикасаюсь к безымянному пальцу: так и есть, забыла... Забыла, потому что «просто забыла», или – опять нечто «из подкорки»?

Олег Витальевич, кажется, еще и читает мысли:

– Не обращайтесь внимания, Маргарита. Мне, наверное, просто не хочется с вами так быстро расставаться. А вот заинтересовать собственной персоной хочется. И хочется продлить с вами знакомство. Как вам такая откровенность?

Я смотрю на него с немного наигранным удивлением. А потом решаю отбить этот чисто мужской «пас» в его же обезоруживающей манере:

– Олег Витальевич, неужели сейчас вы пригласите меня в ресторан?

– Да, а вы согласитесь. Мы ведь еще не договорили.

И вот мы уже сидим за столиком в нашем кафе на первом этаже и пьем кофе. Олег Витальевич очень ненавязчиво «продолжает знакомство»:

– Дело в том, что человек склонен искать самые простые объяснения всему, что с ним происходит. И это правильно, это норма человеческой психики. А вот излишнее самокопание – уже отклонение от нормы. Ну, разумеется, если это не часть профессии, как моей или вашей.

Я делаю глоток и закуриваю. Тяну время, чтобы ничего не говорить, а только слушать. Психолог привык к внимательной аудитории, мое молчание его не тяготит.

– Некоторые ваши вопросы показались мне немного личными. Остановите меня, если я касаюсь запретной темы. Хотите, я и не буду ее касаться вовсе. Но еще одну установочку вам дам, согласны? Она проста как все сущее. Правильный вывод – это верное решение, как в математике, так и в психологии. Сделали вывод из сложившейся ситуации – значит, уже почти нашли выход из нее.

Мы говорили бы еще долго, и не знаю, чем закончился бы этот разговор, возможно, исповедью. Я уже раскрыла рот, чтобы задать очередной вопрос «доктору», но тут в кафе заходит мой любимый Сергей Александрович. Не один: рядом с ним – веселая, как птичка, Алиса. Алиса щебечет, жестикулирует, играет глазами, Сергей внимательно слушает ее, улыбаясь и глядя вниз перед собой – это у него такая манера внимать на ходу. Они очень увлечены разговором и не сразу замечают нас с психологом. Но совсем не заметить кого-либо в небольшом кафе невозможно, и вот уже Сергей машет мне рукой и чуть кивает моему визави. Он наверняка смотрел наше «ток-шоу», а это всегда дает какое-то ощущение знакомства с героем пере-

дачи. Я кисло улыбаюсь в ответ. Сергей поворачивает голову к Алисе, а та только и ждала, когда можно будет продолжить беседу, не отвлекаясь на мелочи.

Почти со скрежетом перевожу взгляд на Олега Витальевича и напарываюсь на его понимающую улыбку:

– Коллеги? Или начальство?

– Коллега и начальство, – отвечаю я невозмутимо. Как мне кажется, невозмутимо.

А психолог-то наш – и впрямь орел! Все понял, все просчитал, да еще и молчит загадочно, хочет, чтобы я сама сказала что-то интересное для него, как для практика. Нет, ничего не скажу, улыбнусь вот ему вежливо, и все, разговор окончен – на эту тему, по крайней мере.

Без особой связи с предыдущим, Олег Витальевич спрашивает:

– Маргарита, а коньяк у вас тут заказать можно?

– Можно, – отвечаю я, – но желательно после работы.

– В таком случае, может быть нам переместиться в какое-то другое место? Я так понимаю, вы на сегодня уже освободились?

Я раздумываю недолго. Мне очень хочется сейчас уйти отсюда и больше не видеть, даже боковым зрением, как склонились друг к другу и говорят о чем-то Сергей и Алиса. Это, конечно, бегство.

А как вежливо и доходчиво дать понять тонкому знатоку человеческих душ, что я хочу пойти куда-то не с ним именно, а просто уйти и все?

Он опережает меня на полсекунды:

– Мне показалось, что вы просто хотели бы уйти отсюда. Или я не прав?

Да что же это такое! Так и будет просчитывать мои следующие шаги?! Не выйдет:

– Олег Витальевич, вы меня пугаете своей пронизательностью. Да, мне хочется уйти. Не буду объяснять, почему. Но я никуда не пойду. Вы у меня в гостях, мы пришли попить кофе. Вот давайте и попьем! И коньяк сейчас закажем.

– А как же начальство? – спрашивает с улыбкой «доктор».

– Напишу объяснительную, а он объявит мне выговор. Мы найдем компромиссное решение, – мило улыбаюсь в ответ.

Олег отходит к стойке, я мечтательно смотрю в потолок, но прекрасно при этом вижу, как Сергей Александрович бросает на меня полтора взгляда: «целым» отмечает мое присутствие, «половинкой» сканирует место нахождения моего спутника.

Олег Витальевич возвращается. Мы делаем по глоточку.

– Я вам, наверное, надоел со своей лекцией, – сообщает мне мой догадливый собеседник, – но, если позволите, еще пару слов в тему скажу.

Я, согретая изнутри капелькой коньячку, милостиво киваю:

– Что вы, мне очень интересно...

Олег Витальевич как бы мельком, но довольно внимательно взглядывает на Алису и Сергея и произносит:

– Человек устроен так, что ситуация меняется, а модель его поведения остается прежней. Если знаешь кого-то не первый год, нетрудно догадаться, как он будет себя вести в разных обстоятельствах.

– Почему вы мне об этом говорите? – искренне удивляюсь я.

– Потому что вы мне очень нравитесь. Потому что мне, судя по всему, не на что надеяться. И потому что я знаю, а может быть, вижу причину.

Мне не хочется больше играть словами:

– Ну хорошо, причину вы знаете, а следствие? Психолог пожимает плечами:

– Ну я же не Господь Бог... Извините Маргарита, ваш муж... тоже намного старше вас?

– На одиннадцать лет.

Какой смысл притворяться и делать большие глаза на слово «тоже»? Мол, что значит «тоже»? А кто еще «тоже»? А почему вы, собственно, решили, что «тоже»?...

Да, тоже. Когда-то, до моего безумного романа с Сосновским, мне казалось, что одиннадцать лет – огромная разница в возрасте. Космос! Как же все относительно!..

Олег Витальевич понимающе кивает, но никак не комментирует этот факт. А потом говорит:

– Не знаю, как у вас, а у меня есть ощущение, что мы знакомы больше, чем три часа. И я очень рад этому знакомству. Между прочим, ваша коллега и ваш начальник, по-моему, собираются уходить. И пока я в вас окончательно не влюбился, нужно идти и нам.

Моя очередь понимающе кивнуть, но не комментировать это заявление по поводу «влюбился». Я тоже психолог, Олег Витальевич, работа такая.

Я сегодня без машины: в городе у меня нет особых дел, до Катькиной школы доберусь и на метро. Сегодня моя очередь забирать девчонок.

А Олег Витальевич, естественно, за рулем. Широким жестом приглашает подвезти меня на серебристом «додж караване» – наперсток «Старого Кахети», выпитый с кофе, его, видимо, не смущает. Пообщавшись с ним, начинаю понимать: он, в случае чего, так любого гаишника заговорит, что человек в погонах и с жезлом будет уверен, что граммуньку тяпнул как раз он сам, а никак не водитель.

Но ехать почему-то отказываюсь. Впрочем, знаю почему: просто хочу побыть одна. Вслух говорю:

– Мне еще нужно в магазин забежать, в продуктовый. И чего я взбрыкиваю по мелочам, почему мне так хочется его разочаровать? Он мне – «влюбился», а я ему – «продуктовый магазин». Потому что не люблю, когда меня просчитывают и предсказывают мой следующий шаг. Или все же что-то, сказанное им, действительно меня зацепило и осело «в подкорке»? Что именно? Что-то про «меняющуюся ситуацию и модель поведения»?

Олег Витальевич целует мне руку:

– Удачи вам, Маргарита. Пусть у вас все будет хорошо.

– Спасибо, Олег Витальевич. До свидания, – в ответ улыбаюсь я. – И вам всего хорошего. Я еще не дошла до метро, когда «додж караван» свернул на проспект.

А зайду-ка я в продуктовый магазин!

Глава 9

Психология семейных отношений. Теория и практика

Я безумно люблю Катю и очень привязана к мужу. Но когда дочь вытворяет что-то из ряда вон, реакция моя однозначна – вся в отца! Что именно я вкладываю в это выражение, без пространных объяснений поймет любая женщина.

Учительница Ульяна Вячеславовна приветливо здоровается и спрашивает:

– Маргарита Владимировна, у вас не получилось прийти на родительское собрание? Тут есть несколько небольших финансовых вопросов.

Так, вторая часть мне понятна: очередной добровольный взнос на что-то внебюджетное. Плачу без комментариев.

А первая? Почему у меня не получилось прийти на родительское собрание? Да я про него просто не знала. Дневник не смотрю принципиально, а Катя ничего не сообщила. Странно. До сей поры я ходила на собрания, как на работу. Однако разбираться с дочерью буду наедине, обойдемся без публичной порки.

Всю дорогу болтаем с девчонками о том о сем... Настроение у девочек хорошее: через неделю каникулы, без пяти минут лето.

Катина подруга – хорошая девочка, умненькая, спокойная, смешливая. Но лидер в их парочке, конечно, Катя. И вот этот самый лидер-неформал, очевидно, волнуется: нервно смеется и время от времени поглядывает на меня с некоторой опаской. Ничего, пусть попереживает. Интересно, зачем ей понадобилось скрыть факт родительского собрания, если там всего лишь собирали деньги на внеплановый косметический ремонт лингафонного кабинета?

А дома, как только закрываю входную дверь, поворачиваюсь к дочери и спрашиваю в манере, которую психолог семейных отношений не одобрил бы наверняка:

– Ну и?...

И Катя, которая сегодня наглядно демонстрирует правильность генетических теорий, отвечает мне так, как ответил бы Миша. Он обычно пропускает мимо ушей мои красноречивые междометия, игнорирует выразительные интонации и сразу переходит к сути.

– Я тебя не обманула, а просто не сказала.

– Это, конечно, тебя полностью оправдывает, как тебе кажется, – сурово говорю я.

Доморощенный философ изрекает:

– Промолчать – не обмануть.

Все, хватит риторики, спрашиваю прямо:

– Почему ты не хотела, чтобы я пошла на родительское собрание? Там же ничего особенного не было.

Молчит. Потом делает гримаску и говорит:

– А я откуда знала, что там будет. Может будет, может нет.

– Да в чем дело-то, Катерина? – начинаю нервничать я.

– Я Петьке Парфеновичу в ухо дала, – признается дочь. Я смеюсь:

– Ух ты! И попала? А за что?

Катя поняла, что возмездия не будет и объясняет:

– Он сказал: «У Дубровской мать – „телепузик“, а Катя – карапузик».

Я чешу под носом, скрывая смущенную улыбку. Хочется расспросить подробнее: я, честно говоря, не очень понимаю, что это за персонажи такие – телепузики? Положительные или отрицательные? Умные или глупые? Милые или противные? Что-то читала в прессе, будто они якобы деформируют детское восприятие действительности, что ли... Это была статья по педагогике, по-моему. Восьмилетний мальчишка так смешно и, на мой взгляд, не очень обидно зарифмовал моего... ну да, карапузика (давно ли она перестала им быть?) со мной. Ну и что

теперь, драться? Если бы Катя была «в меня», то просто разревелась бы, если уж так обиделась. Но Катя «в отца»: ее обидели – она тут же дала сдачи, и весь разговор. И кого при этом защищала моя боевая дочь – меня или себя, уже не важно.

Ничего умного не придумав, спрашиваю:

– Ну, и как его ухо?

– Болело, наверное. Распухло, красное... Он ревел. Это хуже:

– А ты чем стукнула?

Катка, кажется, и сама изумлена всей этой историей:

– Да кулаком...

Нет, надо поговорить с Мишей на эту тему. Его характер: покладистый и долготерпеливый, но в экстремальной ситуации – импульсивный и взрывной.

Катка еще смотрит на меня:

– Ругать не будешь?

– Не буду, – отвечаю я. – А Ульяна Вячеславовна не ругала тебя?

– Ругала. Обещала вызвать в школу родителей. И Петькиных тоже. Он все время ругается разными словами, а тут собрание как раз...

Ладно, если педагог в курсе драки и не подняла шума, значит, все в порядке, но еще один «штрих» к портрету дочери сделан. И это – дочь своего отца!..

Я в детстве не дралась, даже когда сильно обижали. Обижали ведь и меня...

Да я и сейчас не «дерусь», а может, надо?

Телефонный звонок на кухне отвлекает меня от педагогических и прочих раздумий. Это Оксана, моя подруга, с которой мы познакомились в роддоме: лежали на соседних койках...

– Привет. Есть у тебя время поговорить?

Если Оксанка звонит на городской, значит разговор долгий.

– Есть, конечно.

Оксана молчит немного, потом спрашивает со вздохом:

– Как у тебя дела? Я тебя утром по телевизору смотрела, но не с начала. Ты с каким-то мужиком так по-умному разговаривала...

– Да, стараюсь, – перебиваю я, понимая, что не передачу ей хочется обсудить, а что-то более личное. – Ксан, случилось что?

Оксана молчит. Плачет, что ли?

– Плачешь, что ли?

– Уже нет.

Оксанка – девушка очень эмоциональная, но со знаком «плюс». Готова радоваться любому положительному явлению: хорошей погоде, хорошему человеку, смешному происшествию, вкусной пироженке. Если она «уже» не плачет, значит причина для слез была по-настоящему серьезная. Истерик без особых оснований, как у меня, например, у Оксаны не бывает, а я ее в разных ситуациях видела: и в смешных, и в не очень смешных. Однажды мы с детьми и колясками в нашем лифте на полтора часа застряли на уровне седьмого этажа, то есть между шестым и седьмым. Тетки из ЖЭСа не смогли лифт ни с места сдвинуть, ни открыть, вызвали монтеров из ремонта. Дети орут, я шиплю, да еще в туалет хочу со страшной силой, и страшно, между прочим. А Ксанка с тетками только перешучивается в образовавшуюся при застревании щель.

– Ксана, хочешь, приезжай ко мне, поговорим тут. Я тебя по телефону не вижу, а понять ничего не могу.

Ксанка тихо пыхтит в трубке. Потом спрашивает:

– А может, ты ко мне?

Я немного раздумываю. В кои-то веки с дочерью хотела дома побыть. А то уж и мама мне как-то раз полусерьезно замечание сделала: «Поменьше бы о работе думала, побольше о семье,

а то корпоративы... кооперативы... презентации... Не мать, а ехидна». Что за зверь ехидна, не знаю. На мамины слова отшутилась: «Не знаю такого животного, не видела. Но, судя по названию, у него есть чувство юмора! Да, иногда я ехидничаю. А вы повод не давайте».

Да ведь и у Оксанки наверняка не просто свободный вечер, который не с кем скоротать...

Ладно, решено, тут недалеко, съезжу.

– Катя! – кричу, повернувшись к дочкиной комнате.

– Что? – возникает на пороге.

– Я на часок к Оксане съезжу, ладно? Ты, может, уроки пока сделай, приеду, поиграем во что-нибудь, – говорю ей.

Я уже давно в разговорах с Катькой не добавляю к именам моих подруг слово «тетя». Она обращается к ним тоже только по имени: у нас так принято. И не только потому, что это «по-европейски». Мне кажется, в кругу родительских друзей ребенку легче адаптироваться к взрослому миру. Называя взрослых друзей по имени, маленький человек чувствует себя если не на равных с ними, то увереннее – точно.

Моя мама, общаясь дома с подругами, никогда не выгоняла меня из комнаты. Какие-то уж очень женские вопросы они решали, разумеется, без меня. Но их разговоры, как правило, «запретных» тем не касались, а мне было очень интересно слушать, как они что-то одобряют, над чем-то смеются, чему-то радуются. Я до сих пор благодарна маме за то, что она таким образом проявляла ко мне свое уважение.

Катя, которую сегодня счастливо миновало наказание за «молчание, а не ложь», с легким сердцем отпускает меня ненадолго.

Оксана живет через остановку от меня, только я еду к ней не на трамвае, а на «реношке»: прямо по улице и в «рукав». Мне очень нравится ее уютная квартира, в которой малая площадь компенсируется отменным вкусом хозяйки. Это всего лишь хрущевская «полупорка», но светлые обои, встроенные зеркальные шкафы, компактная мебель и полное отсутствие ковров где бы то ни было создают эффект просторного, наполненного воздухом и светом помещения. Широкие окна, прозрачные занавески, на стенах – немногочисленные картины и плоская панель телевизора. Несколько элегантных цветочных кашпо, самое большое из которых – роскошная монстера в прихожей. Светильники тоже небольшие, в стиле хай-тэк... Красиво! И все продуманно, и ничего не случайно. Оксана – дизайнер широкого профиля, дома ее талант тоже не отдыхает: она шьет, создает интерьеры и моделирует ландшафты. Вот такой рядом со мной живет «человек эпохи Возрождения»!

Она и сама всегда очень элегантная и продуманная. Сочетание цветов в предметах ее туалета всегда приводят меня просто в священный трепет: полутона сочетаются и перекликаются, один цвет намекает на другой, структуры тканей дополняют друг друга безупречно. Когда я вижу очередной шедевр, созданный Оксанкиными руками, сама себе напоминаю в такие моменты пчелу, нашедшую дивный цветок: о, сколько же там должно быть нектара! Хотя это – чисто эстетическое удовольствие.

Оксана шьет иногда и мне. За годы дружбы изучила мои особенности и темперамент, недостатки фигуры и вкусовые предпочтения. Вообще-то, я одеваюсь везде, где могу найти что-то подходящее: в магазине, на торговой выставке, на распродаже, иногда даже в сэконд-хэнде. Миша за эту «всеядность» меня время от времени отчитывает. А зря! Я не шмоточница, просто для меня это еще один способ самовыражения. Я, например, очень люблю одежду фирмы «Марк и Спенсер», которая позиционирует свои изделия как «одежда для немодных женщин». Хитрый ход: кажется, что обидели потенциальных покупательниц, а на самом деле – сделали комплимент. Немодная женщина – это, другими словами, женщина вне моды, самодостаточная дама, которой одинаково идет и кринолин, и набедренная повязка, и скромный кардиган. Это она их украшает, а не они ее!

Но Оксанины туалеты – это мой «золотой фонд». Она всегда мне шила для каких-то особенных случаев. Например, мое тридцатилетие (короткое бирюзовое, с открытыми плечами), или Международный кинофестиваль, открытие которого я вела (зеленая и золотая парча, декольте, в пол), прием во французском посольстве по случаю Дня взятия Бастилии (маленькое черное), свадьба близких друзей, где мы с Мишей были свидетелями (сиреневый костюм «шанель»).

Неумолимо приближается еще один такой особый случай: торжественная церемония невручения мне «Золотой Телевышки».

Вот с этого и начну разговор. Оксанка расслабится, а потом уж расскажет все, что посчитает нужным.

Оксана открывает дверь и молча стоит, прислонившись к косяку, наблюдает, как я снимаю обувь. Не оживленная, как обычно, а как-то нехорошо спокойная. А я старательно заполняю паузу:

– Знаешь, я сама хотела к тебе напроситься на днях. Может, успеешь мне сочинить что-нибудь к «Телевышке»?

Оксана рассеянно кивает:

– Давай, у меня как раз появилась новая интересная ткань. Я тоже о тебе подумала: твой стиль.

– Правда? – оживляюсь я чуть больше, чем следует. Не нравится мне это ее «скорбное бесчувствие». Кстати, а где Сергей? Ее мужа тоже зовут Сергей. Тоже... А почему тоже, а с какой стати тоже? Это я все продолжаю воевать с прозорливым психологом, хотя он уже одержал чистую победу по очкам. – А где Сережа?

Оксана бросает взгляд куда-то в бок и отвечает:

– К маме поехал.

«Ага, поссорились, – смекаю я, – и, видно, серьезно поссорились, раз он – к маме, а ей нужно советоваться с подружкой...» А вслух продолжаю бытовой разговор:

– Покажи тряпочку-то.

Мы заходим в меньшую комнату, это как бы Оксанкин кабинет. Она раздвигает зеркальные дверцы шкафа-купе, роется на полочке. И, наконец, достает нечто темнеющее в пакете.

Когда она разворачивает отрез ткани, то это нечто оказывается струящимся шифоном, постепенно меняющим цвет от аспидно-черного до белоснежного. Я говорю: «Ах!» Это действительно ах!

– Смотри, – говорит Оксанка уже более оттаявшим голосом, – черный будет низ, а к плечам платье уже будет белым, переход из цвета в цвет – на талии. Я нарисую тебе, как придумала.

– Супер! – от души восклицаю я. – То, что нужно!

И начинаю взахлеб рассказывать о своих жалких планах выглядеть в момент своего профессионального фиаско на высоте – ну хоть внешне:

– Понимаешь, мои переживания, в общем, никого не касаются. Хочу выглядеть так, как будто я спокойна, уверена в себе. Я выше тщеславия! То есть я, конечно, ничего не выше... И обидно до слез, и комплексы давят, но марку-то держать надо! Вот как Анна Каренина в ложе оперы, помнишь, в кино. Сидит, такая вся прекрасная до невозможности, улыбается, и никто не знает, что у нее внутри.

Оксана смотрит на меня внимательно. Прикидывает фасон, что ли? Но нет, не фасон.

– Рита, Сергей меня бросил.

Вот это да. Пауза повисает тяжелая, как кирпич.

– То есть как это бросил? – выговариваю я, чтобы что-то сказать.

– А как бросают? Раз – и бросил. Ушел. Пока к маме на время, потом, видимо, к ней.

Я прижимаю уши: «к ней»?... Но спрашиваю:

– А почему не сразу к ней?

– А она замужем. Пока.

Бог ты мой... Вопросов хочется задать миллион. Нет, не надо никаких вопросов. Оксана молчит. Потом продолжает:

– Вот ты ехала, а я все думала, думала: рассказать – не рассказать. Потом решила – расскажу. Еще вашу передачу, как по заказу, посмотрела, где вы с этим умником жизни учили... Да нет, я не иронизирую, это так, от бессилия... Все правильно вы там говорили, только от реальности далеко.

«Не так уж и далеко, – мелькает у меня. – В моем случае ну очень близко».

– А где Вадик? – спохватываюсь я. В самом деле, где Вадим в такое время? Ему, как и Катьке, всего восемь.

– Тоже у мамы, только у моей. Незачем ему наши разборки наблюдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.